

РОХИНТОН
МИСТРИ

Такое долгое странствие

[роман]

XX век / XXI век – The Best

РОХИНТОН МИСТРИ
Такое долгое странствие

«Издательство АСТ»

1991

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

Мистри Р.

Такое долгое странствие / Р. Мистри — «Издательство АСТ»,
1991 — (XX век / XXI век – The Best)

ISBN 978-5-17-146434-9

Первый роман Рохинтона Мистри, принесший ему международный успех. 1971 год. Индия ведет вооруженное сопротивление против Пакистана, не признающего независимость бенгальских народов. Газеты и телевидение навязывают политические лозунги, разобщая людей. Но меньше всех им верит трудолюбивый банковский служащий и преданный семьянин Густад Нобл, чей привычный уклад жизни неумолимо рушится. Его сын бунтует против ценностей отца, друг оказывается втянутым в сеть обмана, серьезно заболевает его маленькая дочь... Автор не раз поставит героя перед трудным жизненным выбором, поднимая важнейшие для человечества вопросы – вопросы семьи и дружбы, нравственности и гуманности.

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-17-146434-9

© Мистри Р., 1991
© Издательство АСТ, 1991

Содержание

Глава первая	6
I	6
II	10
III	15
IV	18
Глава вторая	20
I	20
II	26
III	28
Глава третья	32
I	32
II	40
Глава четвертая	44
I	44
II	47
III	53
Глава пятая	54
I	54
II	56
III	60
IV	66
Глава шестая	69
I	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Рохинтон Мистри

Такое долгое странствие

Rohinton Mistry
SUCH A LONG JOURNEY

© Rohinton Mistry, 1991

© Перевод. И. Доронина, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Посвящается Френи

Созвал он старейших священнослужителей и спросил их, имея в виду властителей, некогда правивших миром: «Как держали они мир в руках своих в начале начал, – спросил он, – и как случилось, что оставили они его нам в таком плачевном состоянии? И как умели они жить без забот в дни своих героических деяний?»

Фирдоуси. Шах-Наме

*Все это было в холод,
В худшее время года
Для похода, да еще такого долгого...¹*

Т. С. Элиот. Паломничество волхвов

*Когда старые слова замирают на устах, новые рвутся из сердца;
и там, где стезя теряется, открывается новая страна чудес².*

Рабиндранат Тагор. Гитанджали

---

¹ Перевод С. Кирюты.

² Перевод Н. А. Пушешникова.

Глава первая

I

Едва забрезжил в небе первый утренний свет, как Густад Нобл, обратившись лицом на восток, уже возносил молитвы Ахура Мазде. Время приближалось к шести часам утра, и в кроне единственного во всем дворе дерева зачирикали воробьи. Густад слышал их щебетанье каждое утро, когда молился, повязывая пояс *кушти*³. Было в этом щебете что-то ободряющее. Воробьи всегда начинали первыми, за ними следовало воронье карканье.

Чуть дальше, возле дома, край тишины начинало обкусывать металлическое позвякивание кастрюль и кувшинов. Знакомый *бхайя*⁴ сидел на корточках возле своего высокого алюминиевого бидона и разливал молоко в сосуды, подставлявшиеся домохозяйками. Его маленький мерный стакан на длиннющей ручке, загнутой на конце крючком, нырял в бидон и выныривал из него, нырял и выныривал, быстро, не проливая почти ни капли. Обслужив очередного покупателя, продавец вешал стакан на горлышко бидона, поправлял свое *дхоти*⁵ и потирал колени в ожидании платы. С пальцев осыпались чешуйки сухой кожи. Женщины с отвращением закатывали глаза, но в утренней безмятежности раннего света царил мир.

Густад Нобл слегка сдвинул вверх с широкого лба, прочерченного многочисленными морщинами, свою моленную шапочку, пока она свободно не уселась на его седой шевелюре. Ее черный бархат резко контрастировал с пепельно-серыми бачками, а вот густые ухоженные усы были такими же черными и бархатистыми, как шапочка. Когда бы речь ни заходила о здоровье и болезнях, для друзей и родственников высокий широкоплечий Густад всегда служил объектом зависти и восхищения. Для мужчины, одолевающего приливную волну пятого десятка лет жизни, говорили они, он выглядел очень крепким. Особенно учитывая то, что несколькими годами раньше он получил тяжелую травму; но даже от нее осталась лишь легкая хромота. Его жена ненавидела подобные разговоры. Она всякий раз мысленно стучала по дереву от сглаза и озиралась вокруг в поисках стула или стола, чтобы незаметно прикоснуться пальцами. Но сам Густад не имел ничего против разговоров о том дне, когда он рискнул собственной жизнью, чтобы спасти старшего сына.

На фоне лязга молочного бидона и болтовни покупательниц раздался визгливый крик:

– Ах ты вор! Сдать бы тебя в полицию и посмотреть, как ты будешь разводить водой молоко, после того как они тебе руки переломают!

Голос принадлежал мисс Кутпитье, и с ним рассветный покой уступил место неистовству нового дня.

Угрозам мисс Кутпитьи не доставало убедительности. Сама она никогда не покупала молоко у *бхайи*, но была твердо уверена, что, регулярно браня, помогает – в интересах остальных жильцов дома – держать его в узде. Должен же кто-то дать понять этим мошенникам, что дураков здесь, в Хоадад-билдинге, нет. Мисс Кутпитья была иссохшей семидесятилетней женщиной, редко выходившей из дома, поскольку, как она говорила, кости у нее день ото дня каменеют.

---

³ Нателный пояс кушти – в зороастризме – символ готовности служить богу-творцу Ахура Мазде. Ежедневно зороастрийцы несколько раз развязывают кушти и с чтением особой молитвы повязывают его вновь. Пояс оборачивается вокруг талии трижды, что символизирует этическую триаду зороастризма: благие мысли – благие слова – благие дела.

⁴ Бхайя – буквально на хинди означает брат. Общепринятое обращение к незнакомцу или человеку, имени которого ты не знаешь.

⁵ Дхоти – набедренная повязка индусов.

Впрочем, если уж на то пошло, о своих костях, да и вообще о чем бы то ни было, она мало с кем в доме могла поговорить из-за приобретенной за долгие годы репутации человека злобного, грубого и даже чокнутого. Для детей она была ожившей ведьмой из их волшебных сказок. Пробегая мимо ее двери, они норовили выкрикнуть: «Спасайся от *карги*! Спасайся от *карги*!» – не столько от страха, сколько из желания спровоцировать ее, заставить бормотать проклятья, потрясая кулаком. Какими бы ни были у нее кости, окаменевшими или не окаменевшими, когда хотела, она могла двигаться с удивительным проворством, бросаясь от окна к балкону на лестнице, если желала увидеть, что происходит во дворе.

Бхайя привык к этому безличному голосу и только бормотал, адресуясь скорее к своим покупательницам:

– Как будто я сам делаю это молоко. Его коровы дают. *Малик*⁶ говорит – иди продавай молоко, я иду, вот и все. Какой толк бранить такого бедного человека, как я?

Покорные и усталые в неверном утреннем свете лица покупательниц мимолетно обретали выражение смиренного достоинства. Женщинам не терпелось поскорей купить бледную разбавленную молочную жидкость и вернуться к своим домашним делам. Дильнаваз тоже стояла в очереди с алюминиевой кастрюлей в одной руке и деньгами в другой. Восемь лет назад, по случаю празднования первого дня рождения их дочери Рошан, эта изящная хрупкая женщина коротко остригла свои темно-каштановые волосы и до сих пор носила эту прическу. Она не была уверена, что короткая стрижка подходит ей и сейчас, хотя Густаду уверял, что ей идет. Но на вкус мужа она никогда не могла положиться. Когда в моду вошли мини-юбки, она, просто шутки ради, высоко поддернув подол платья, продефилировала по комнате, вызвав неудержимый взрыв смеха у Рошан. Однако Густаду счел, что ей стоит всерьез подумать о смене образа: представь себе, сорокачетырехлетняя женщина в мини-юбке. «Мода – это для молодых», – ответила она ему, тем не менее почувствовав себя польщенной. А он своим звучным низким голосом пропел из песни Ната «Кинга» Коула:

Состариться тебе не суждено судьбой,
Коль сердце будет, как сейчас, любовью полно.
Пусть годы серебрят каштановую прядь,
Все так же в старом кресле будешь ты мечтать...

Ей нравилось, когда он в третьей строке менял «золотые» волосы на «каштановые», расплываясь при этом в широкой улыбке.

На стенках кастрюли, которую она держала в руках, виднелись следы от вчерашнего молока. Последние капли его она только что вылила в чай себе и Густаду, не успев после этого вымыть кастрюлю. Успела бы, если бы не сидела так долго, слушая, как Густаду зачитывает ей отрывки из газеты, и если бы до того они не разговаривали о своем старшем, о том, как он скоро будет учиться в Индийском технологическом институте.

– Сохраб прославится, вот увидишь, – сказал Густаду с законной отцовской гордостью. – Наконец-то оправдаются все наши жертвы.

Она сама не понимала, что на нее нашло этим утром, почему она сидела и болтала с ним, теряя время попусту. Но, с другой стороны, не каждый день приходят такие хорошие для их сына новости.

Дильнаваз продвигалась вперед по мере того, как одна за другой отходили стоявшие перед ней женщины и приближалась ее очередь. Ноблы, так же как и все остальные, бесконечно долго ждали государственных пайковых карточек на молоко, а пока оставались постоянными покупателями *бхайи*, чей короткий хвостик волос, росший из самого центра макушки

⁶ Малик – букв.: царь, властитель. Здесь: глава племени, рода, староста села или квартала, старшина.

его в остальном идеально выбритой головы, не переставал смешить женщину. Она знала, что это был обычай какой-то индусской касты, точно не помнила какой, но все равно не могла не думать о том, что он напоминает хвостик серой крысы. По утрам, когда *бхайя* смазывал скальп маслом, хвостик начинал блестеть.

Покупая у него молоко, она вспоминала времена, когда продовольственные карточки существовали только для бедноты и слуг, когда они с Густадом могли позволить себе покупать чудесное жирное молоко парсийской молочной фермы (мисс Кутпитья оно и теперь доступно), это было до того, как цены начали расти, расти и расти, никогда не снижаясь. Лучше бы мисс Кутпитья перестала ругать *бхайю*. Пользы от этого никакой, он только больше обижается на них всех и бог его знает что может сделать с молоком, – не секрет, что бедняки из ветхих лачуг и *джхопадпатти*⁷ Бомбея и его окрестностей порой смотрят так, словно хотят вышвырнуть тебя из твоего дома и поселиться в нем со своей семьей.

Она понимала, что намерения у мисс Кутпитьи благие, несмотря на истории о странно-стях старухи, которые годами циркулировали по дому. Густад старался как можно меньше контактировать с ней, говорил, что от ее безумного вздора даже у психически совершенно здорового человека мозги могут свихнуться. Дильнаваз была, пожалуй, единственной подружкой мисс Кутпитьи. С детства воспитанное безоговорочное уважение к старшим помогало ей терпимо относиться к особенностям ее характера. Она не видела в них ничего отталкивающего и раздражающего – да, иногда они казались забавными, иногда утомительными, но оскорбительными – никогда. В конце концов, большей частью мисс Кутпитья желала лишь помочь людям, дать совет в случаях, необъяснимых с точки зрения законов природы. Она утверждала, что способна как снимать, так и наводить порчу, сведуша в магии, как белой, так и черной, умеет предсказывать события, толковать предзнаменования и сны. А самым главным, по словам мисс Кутпитьи, было то, что она обладала даром понимать тайные смыслы обыденных явлений и случайных происшествий. Ее прихотливое и склонное к фантастике воображение порой работало весьма занятно.

Дильнаваз дала себе обещание никогда не поощрять ее без крайней надобности, но понимала, что в возрасте мисс Кутпитьи нет ничего важнее, чем иметь терпеливого слушателя. А кроме того, есть ли на свете человек, который хоть раз, в определенных обстоятельствах, не поверил бы в сверхъестественное?

Звяканье и болтовня вокруг молочника казались Густаду чем-то очень отдаленным, пока он тихо бормотал молитвы под *мелшей*⁸; утренний свет выигрышно освещал его красивую, облаченную в белое фигуру. Произнося соответствующий отрывок, он развязывал очередной узел на *кушти*, опоясывавшем его. Размотав все девять футов своего тонкого, вручную сплетенного ритуального пояса, он, чтобы отогнать злого духа Ахримана, трижды щелкнул им в воздухе, как хлыстом, тем отработанным движением кисти, какое достигается только при регулярном исполнении обряда *кушти*.

Эту часть молитвы Густад любил особенно, даже в детстве, когда воображал себя отважным охотником, бесстрашно углубляющимся в неизведанные джунгли и вооруженным лишь своим могущественно священным *кушти*: хлестнув в воздухе этим ритуальным шнуром, он будет отсекал головы бегемотов, вспарывать животы саблезубых тигров, истреблять армии дикарей-людоедов. Однажды, роаясь на полках отцовского книжного магазина, он обнаружил любимую в Англии историю о победителе дракона. С тех пор каждый раз, произнося молитвы, Густад представлял себя парсийским святым Георгием, рассекающим драконов надвое своим верным *кушти*, где бы он их ни встретил: под обеденным столом, в шкафу, под кроватью или

⁷ Джхопадпатти – трущобы из палаток и навесов, сделанных из брезента и фанеры.

⁸ Мелия – вечнозеленое дерево, имеющее много других названий: нийм, индийская сирень, индийское тюльпановое дерево, маргоза и др.

даже за сушилкой для белья. Отовсюду выкатывались окровавленные, отделенные от туловища головы огнедышащих монстров.

Двери открывались и с грохотом захлопывались, позвякивали монеты, чей-то голос из окна давал особые распоряжения *бхайе* насчет завтрашней доставки. Кто-то обращался к нему с шуткой: «Эй, *бхайя*, почему бы тебе не продавать молоко отдельно, а воду отдельно? И покупателю лучше, и тебе легче – разводить не надо». Шутка всегда сопровождалась бурными оправданиями *бхайи*.

Из чьего-то открытого окна тихо, вкрадчиво доносился первый утренний выпуск новостей контролируемого правительством Всеиндийского радио. Чистая медоточивая речь на хинди, как бы лаская утренний воздух, составляла доверительный контрапункт голосу Всемирной службы Би-би-си, напористо рвущемуся из другого окна сквозь треск и шипение коротковолновых помех.

Ни шутки, ни радио не отвлекали Густада от молитвы. Сегодня новости не могли нарушить его благоговения, потому что он уже видел «Таймс оф Индия». Не в силах заснуть, он встал раньше обычного. Когда включил воду, чтобы почистить зубы и прополоскать горло, вода вырвалась из крана с громким бульканьем, что застало его врасплох. Он отскочил назад, отдернув руку. Воздух скопился в трубах, сказал он себе, поскольку воды не было с семи часов вчерашнего дня, когда муниципалитет прекратил подачу дневной квоты. Он чувствовал себя глупо: испугался водопроводного крана. Закрутив вентиль, он стал откручивать его снова, но теперь медленно, понемногу. Трубы продолжали угрожающе рычать.

Для Дильнаваз это привычное шипящее и плюющееся бурление было сигналом к подъему. Ощупав кровать рядом с собой и убедившись, что место Густада пусто, она улыбнулась, так как ожидала, что сегодня он встанет первым, сонно взглянула на часы, перевернулась на живот и закрыла глаза.

II

Тем утром, задолго до рассвета и времени молитвы, Густада с нетерпением ждал, когда принесут «Таймс оф Индия». Еще стояла крошечная тьма, но он не включал свет, потому что в темноте все казалось ясным и упорядоченным. Он поглаживал подлокотники кресла, в котором сидел, размышляя о десятилетиях, прошедших с тех пор, как его дед с любовью сделал это кресло в своей мебельной мастерской. Как и этот черный письменный стол. Густада хорошо помнил вывеску над входом в дедовскую мастерскую, даже сейчас он словно бы видел ее воочию, как фотографию, поднесенную к глазам: «*Нобл и сыновья. Красивая мебель на заказ*», помнил он и первый раз, когда увидел эту вывеску, он был тогда еще слишком мал, чтобы читать, но картинки вокруг слов узнал сразу: застекленный шкаф из блестящего дерева вишневого цвета, огромная кровать с балдахином на четырех столбах, великолепных пропорций стулья с резными спинками и гнутыми ножками, величественный черный письменный стол – все это была мебель из дома его детства.

Несколько ее предметов и теперь стояло у него в квартире, спасенные из когтей банкротства, – слово казалось холодным и острым, как резец, и звучало жестоко и безжалостно, как лязг железных подковок на ботинках судебного пристава. Подковки зловеще цокали по каменным плиткам пола. Ублюдок-пристав хватал все, что попадало под его грязные руки. «Бедный мой отец. Он потерял все. За исключением нескольких вещей, которые мне удалось спасти с помощью Малколма в его стареньком фургоне. Их пристав так и не нашел. Каким же хорошим другом был Малколм Салданья! Жаль, что мы с ним потеряли связь. Настоящий друг. Такой же, каким был когда-то майор Билимория».

При воспоминании о последнем Густада покачал головой. Проклятый Билимория. После того как он повел себя настолько бесстыдно, у него теперь хватило духу написать и попросить о помощи, словно ничего не случилось. Что ж, он может ждать ответа до самой своей смерти. Густада выкинул из головы его беспардонное письмо, которое грозило нарушить мирную стабильность царившей вокруг темноты. Мебель из детства снова уютно обступила его, как будто заключила в безопасные скобки всю его жизнь, оберегая здравость рассудка.

Густада услышал, как снаружи поднялся металлический козырек почтовой щели, и почти сразу различил белый контур газеты, проскользнувшей в комнату, тем не менее остался неподвижен: «Пусть почтальон уйдет, незачем ему знать, что я жду». Почему он так решил, он и сам не мог объяснить.

Когда велосипед почтальона отъехал, снова настала тишина. Густада зажег свет и надел очки. Мрачные заголовки, касающиеся Пакистана, он проигнорировал, едва взглянув на фотографию полуобнаженной матери, рыдающей над мертвым ребенком, которого она держала на руках. Подпись под фотографией он читать не стал, потому что снимок был похож на все те, что регулярно печатались несколько последних недель и рассказывали о солдатах, использующих бенгальских младенцев в качестве мишеней для штыковой практики. Он развернул газету на той внутренней полосе, где публиковались результаты вступительных экзаменов в Индийский технологический институт, разложил ее на обеденном столе, взял с буфета бумажку, на которой был записан реестровый номер, присвоенный Сохрабу при поступлении, сверил его со списком и пошел будить Дильнаваза.

– Вставай, вставай! Его приняли! – Он погладил ее по плечу нетерпеливо, но нежно. Густада чувствовал себя немного виноватым. Из-за этого чертова письма, которое он от нее утаил.

Дильнаваз перевернулась на спину и улыбнулась.

– Я же говорила, что его примут, что ты зря волнуешься.

Она прошла в ванную и первым делом подсоединила прозрачный пластмассовый шланг для наполнения цилиндрического водяного бака, хотя сегодня у нее было время сначала почистить зубы и заварить чай. Пробыло пять утра – до подачи воды оставалось целых два часа. Она открутила медный вентиль, и вчерашние остатки воды под напором хлынули в шланг, сопровождаемые длинным шлейфом воздушных пузырей – было похоже на пузырьки кислорода, когда-то бурлившие в аквариуме ее младшего сына. Как же Дариушу нравились те цветастые крохотные существа с забавными названиями, которые он с гордостью оглашал, когда показывал кому-нибудь своих рыбок: гуппи, черная моллинезия, морской ангел, неоновая тетра, целующийся гурами – в течение недолгого времени они были центром его вселенной.

Но теперь аквариум опустел. Как и птичьи клетки. Все это вместе с коллекцией бабочек Сохраба и дурацкой книгой, которую он давным-давно получил в школе на день вручения наград, валялось, покрытое пылью и оплетенное паутиной, на темной полке в *чауле*⁹ рядом с общим туалетом. «Узнай больше об энтомо...» чем-то-там. Какой скандал поднялся тогда только из-за того, что она сказала, мол, убивать этих маленьких красочных существ жестоко. Густада считал, что Сохраба надо поощрять: если он проявит упорство в своем увлечении и изберет его своей специальностью в колледже, займется исследовательской работой и все такое прочее, он может стать всемирно известным ученым.

Теперь от коллекции осталось лишь несколько тэлец, пришипленных ржавыми булавками, да кучка разрозненных крылышек, похожих на опавшие лепестки экзотических цветов, вперемешку с отломившимися усиками и крохотными головками, которые, отделившись от телец, совсем не походили на головки. Однажды Дильнаваз даже удивилась – как крупинки черного перца попали в застекленные коробочки? – пока с содроганием не поняла, что представляют собой эти малюсенькие шарики на самом деле.

Каждый раз, когда, вытесняя воздух, первая вода с шипением и клокотанием вырывалась из трубы, заставляя шланг трепетать, у Дильнаваз захватывало дух. Потом поток становился размеренным, и рука, придерживавшая кончик шланга, чтобы он не соскочил с носика бака, ощущала лишь легкую пульсацию.

Густада хотел разбудить Сохраба, но Дильнаваз остановила его:

– Пусть поспит. Результат его вступительных экзаменов не изменится, если он узнает его на час позже.

Он с готовностью согласился, однако все равно пошел в дальнюю комнату. В темноте виднелась реечная дверная панель, которую он пятнадцать лет назад прикрепил петлями к кровати Сохраба, поскольку в детстве тот спал беспокойно, словно и во сне продолжал играть в свои озорные дневные игры. Стулья, которыми они сначала загораживали край кровати на ночь, не помогали, он их сдвигал. И тогда пришлось приделать эту панель. Сохраб сразу же окрестил свою постель кроватью-с-дверью и находил новое приспособление весьма полезным, когда строил «кроватьный домик» из всех подголовных валиков, подушек и одеял, которые мог найти.

Теперь в кровати-с-дверью спала Рошан. Ее тоненькая ручка, просунутая в щель между рейками, свисала вниз. Скоро ее девятый день рождения. Похожа на мать, подумал Густада, глядя на хрупкую фигурку дочери. Он повернулся и посмотрел туда, где на узком *дхолни*¹⁰, который днем сворачивали и засовывали под кровать Дариуша, спал Сохраб. Густаду всегда хотелось приобрести полноценную третью кровать, но в маленькой комнате для нее не было места.

⁹ Чауле – тип жилого дома, какие владельцы предприятий начали строить в Бомбее в начале 1900-х годов как экономное жилье для своих рабочих, своего рода «коммуналки» с общими туалетами на каждом этаже, рассчитанными на определенное количество квартир, и открытыми общими коридорами-террасами.

¹⁰ Дхолни – матрас (*хинди*).

При взгляде на старшего сына глаза Густада наполнились слезами радости и гордости, а сердце – спокойствием: лицо девятнадцатилетнего юноши было таким же безмятежным, как тогда, когда он, будучи маленьким мальчиком, спал в кровати-с-дверью. Изменится ли это безмятежное выражение со временем? Для него самого это время настало, когда книжный магазин его отца был предательски разграблен и погублен. От этого удара и позора его мать заболела. Как же проворно двигалась рука бедности, пятная и отравляя их жизнь! Вскоре после этого его мама умерла. С тех пор сон для него перестал быть спокойным временем суток, он превратился в состояние, когда все тревоги усиливались и росли гнев – странный, неизвестно на кого направленный – и ощущение беспомощности. Он просыпался изнуренным, проклиная новый день.

Поэтому, глядя на Сохраба, спавшего мирным сном, с полуулыбкой на лице, на Дариуша, который фигурой в свои пятнадцать лет был уменьшенной копией своего отца; на занимавшую лишь маленькую часть кровати-с-дверью миниатюрную Рошан, с косичками, разметавшимися на подушке по обе стороны от головки, молча переводя взгляд с одного ребенка на другого по очереди, Густад желал только одного – чтобы жизни его сыновей и дочери всегда оставались мирными и ничем не омраченными. Очень-очень тихо он замурлыкал песню военных лет, которой приноровился баюкать своих детей, когда они были совсем маленькими:

Боже, наших сохрани,
Боже, наших сбереги,
Дариуша и Сохраба
И Рошан – всех пощади...

Сохраб заворочался во сне, и Густад замолчал. В комнате, как и во всей квартире, было темно, поскольку окна и вентиляционные решетки были завешены черной светонепроницаемой бумагой. Густад устроил эту светомаскировку девять лет назад, когда разразилась война с Китаем. Сколько всего случилось в тот год, подумал он. Рождение Рошан, потом жуткий несчастный случай со мной. Три месяца на больничной койке со сломанным бедром. А беспорядки в городе – с комендантским часом, полицейскими дубинками и горящими повсюду автобусами! Каким ужасным выдался тысяча девятьсот шестьдесят второй год. Какое унижающее поражение. Тогда только и разговоров было, что о продвижении китайцев, таком стремительном, что казалось, будто индийская армия состояла из оловянных солдатиков. И при этом – подумать только! – обе стороны до самого конца прокламировали мир и братство. Особенно Джавахарлал Неру с его любимым лозунгом: «Хинди – Чайни бхай-бхай!»¹¹ Он не переставал твердить, что Чжоу Эньлай – наш брат, что наши народы большие друзья, и упрямо отказывался верить в разговоры о войне, несмотря на то что китайцы ранее вторглись в Тибет, расположив вдоль границы несколько дивизий. «Хинди – Чайни бхай-бхай», – снова и снова провозглашал он, как будто частое повторение этих слов действительно могло сделать народы братьями.

А когда китайцы хлынули через горы, все заговорили о предательской сущности желтой расы. Китайские рестораны и парикмахерские потеряли свою клиентуру, а китаец сразу стал синонимом главного чудовища. Дильнаваз, бывало, пугала Дариуша: «Вот придет злой китаец и заберет тебя, если ты не доешь свою еду». Но Дариуш не обращал на ее слова никакого внимания, он не боялся. После обсуждения со своими друзьями-первоклассниками вопроса о желтых дикарях, которые умыкали индийских детей, чтобы готовить жаркое из них, так же как из крыс, кошек и собак, малыш выработал собственный план: он возьмет свой предназначен-

¹¹ Лозунг индийско-китайской дружбы: «Индийцы с китайцами – братья».

ный для праздника *дивали*¹² игрушечный пистолет, зарядит его шариками из карри и – бах-бах! – застрелит китайца, если тот попробует хотя бы приблизиться к их квартире.

Но, к величайшему разочарованию Дариуша, никакие китайские солдаты к Холадад-билдингу не приблизились. Зато все окрестности заполонили команды политиков – сборщиков средств. В зависимости от принадлежности к той или иной партии они произносили речи, либо восхвалявшие героическую позицию Индийского национального конгресса, либо поносившие его за некомпетентность, выразившуюся в отправке храбрых индийских *джаванов*¹³, с устаревшим вооружением и в летнем обмундировании, на смерть от рук китайцев в Гималаях. Все политические партии рассылали разукрашенные флагами грузовики курсировать по городу с плакатами, являвшими собой образцы пропагандистской изобретательности: в них умело сплетались воедино призывы к материальной поддержке партии и поддержке солдат. В то же время сборщики средств до хрипоты орали в мегафоны с увещеваниями быть такими же бескорыстными, как джаваны, которые окропляли гималайские снега своей бесценной кровью, чтобы защитить Мать Индию.

И люди, движимые патриотическим порывом остановить поток желтых захватчиков, бросали из окон прямо в проезжавшие мимо грузовики одеяла, свитера и шарфы. В некоторых богатых районах такие сборы превращались в соревнования: соседи старались переплюнуть друг друга в демонстрации своего богатства, патриотизма и сострадательности. Женщины снимали с себя и швыряли браслеты, кольца и серьги. Деньги – банкноты и монеты – заворачивали в носовые платки и бросали в благодарные руки сборщиков. Мужчины срывали с себя рубашки, куртки, пояса, сбрасывали с ног туфли и метали все это в грузовики. Какое время было! При виде такой солидарности и щедрости у всех на глаза наворачивались слезы гордости и радости. Впоследствии поговаривали, будто часть пожертвованных вещей оказалась на Чор-базаре и Нулл-базаре, а также на придорожных прилавках лоточников, хотя на подобные злобные утверждения особого внимания не обращали; сияние национального единства оставалось теплым и утешительным.

Но все знали, что война с Китаем заморозила сердце Джавахарлала Неру, а потом и разбила его. Он так и не оправился от того, что воспринял как предательство со стороны Джоу Энълая. Обожаемый всей страной *Пандит джи*¹⁴, «дядя Неру» всех индийских детей, непоколебимый гуманист, великий провидец ожесточился и озлобился. С тех пор он не терпел никакой критики и не слушал ничьих советов. Навсегда утратив вкус к философии и мечтательству, он погрузился в политические дразги и международные интриги, а также стал давать волю своему тираническому характеру и раздражительности, признаки которых проявлялись порой еще до войны с Китаем. Все знали о его вражде с зятем, который был вечной «занозой» в его политической деятельности. Неру не мог простить Ферозу Ганди того, что он выставил напоказ скандалы в правительстве; ему больше не нужны были защитники угнетенных и борцы за дело бедных, хотя сам он когда-то играл эти роли с огромным удовольствием и невероятным успехом. Теперь он стал одержим только тем, чтобы сделать свою дорогую дочь Индиру – единственного, по его словам, человека, который его искренне любил, Индиру, которая даже бросила своего никчемного мужа, чтобы быть с отцом, – премьер-министром после своей смерти. Эта маниакальная одержимость терзала его днями и ночами, которые предательство Джоу Энълая отравило и сделало беспросветными навечно, – в отличие от городов, в которые свет вернулся после разрешения конфликта, когда люди сняли затемнение с окон и дверей.

¹² Дивали – главный индийский и индуистский праздник, который символизирует победу добра над злом, в знак этой победы повсеместно зажигаются свечи и фонарики.

¹³ В современной индийской армии джаван – это почетный термин для военнослужащего в солдатском, сержантском или младшем офицерском звании. «Наши доблестные джаваны» означает «наши доблестные воины».

¹⁴ Пандит – почтительная форма обращения к лицам из касты брахманов. Пандит джи – вежливое обращение к пандиту Джавахарлалу Неру, употреблявшееся его близкими и соратниками.

Густада, впрочем, затемнение в своей квартире не снял, сославшись на то, что при нем дети лучше спят. Дильнаваз это казалось смешным, но спорить она не стала, поскольку у Густада тогда только что в доме для престарелых умер отец. Может быть, темнота успокаивает его расшатанные после недавно случившейся утраты нервы, думала она.

– Когда будешь готов, тогда и снимешь черную бумагу, *баба*¹⁵. У меня и в мыслях нет заставлять тебя, – сказала она, однако регулярно проводила осмотр: бумага собирала пыль, и ее трудно было чистить, она была идеальным местом для пауков, чтобы плести свои паутины, и служила отличным укрытием для тараканьих кладок, а кроме того, придавала дому мрачный и гнетущий вид.

Проходили недели, месяцы, а бумага все сдерживала доступ в квартиру любых форм света – что земного, что небесного.

– В такой обстановке кажется, что утро никогда не наступит, – жаловалась Дильнаваз. Постепенно она изобретала все новые способы борьбы с пылью, паутиной и домашними насекомыми. Семья привыкла жить при тусклом свете, словно затемнение продолжалось. Иногда, однако, когда Дильнаваз особенно доставали повседневные заботы, черная бумага становилась мишенью ее раздражения.

– Чудесно! Сын собирает бабочек и мотыльков, отец – пауков и тараканов. Скоро Ходадад-билдинг превратится в один большой музей насекомых.

Но спустя три года Пакистан совершил нападение с целью откусить кусок Кашмира, как это было сразу после Раздела¹⁶, и затемнение снова оказалось востребованным. Густада не преминул торжествующе указать ей на мудрость своего решения.

---

¹⁵ Баба – старец (*хинди*). Уважительная безличная форма обращения к пожилому мужчине или человеку любого пола значительно старше вас.

¹⁶ Имеется в виду разделение Британской Индии в 1947 году на два независимых государства-доминиона, Индию (сегодня это Республика Индия) и Пакистан (сегодня это Исламская Республика Пакистан и Народная Республика Бангладеш).

III

Покинув спящих детей, он вернулся, чтобы дочитать газету. Для молитвы было еще рано: свет пока не забрезжил на горизонте. Проследовав за Дильнаваз на кухню, он стал читать ей газетные заголовки: «Разгул террора в Восточном Пакистане»...

– Подожди, пока я наполню бак, – попросила она, поскольку из-за шума текущей под напором воды ничего не слышала. Сегодня напор был слабым, и потребовалось больше времени, чтобы заполнить бак. «Интересно почему?» – подумала она, простирая батистовый лоскут, через который процеживала воду в сосуд, где хранилась дневная доля питьевой воды. Шлепнув мокрую тряпочку на горлышко глиняного кувшина, она расправила ее и ловко продавila посередине пальцами, чтобы образовалась воронка.

– Тут пишут, что «Авами Лиг»¹⁷ провозгласила образование Республики Бангладеш, – продолжил Густад, когда Дильнаваз закрутила кран. – А я говорил коллегам в столовой во время обеда, что именно это и произойдет. Они утверждали, что генерал Яхья¹⁸ позволит шейху Муджибуру Рахману¹⁹ сформировать правительство. Пусть мне отсекут правую руку, сказал я тогда, если эти фанатики и диктаторы с уважением отнесутся к результатам голосования.

– И что теперь будет?

Он проигнорировал ее вопрос, продолжив про себя читать о бенгальских беженцах, хлынувших через границу и рассказывавших о терроре и зверствах, пытках, увечьях и убийствах; о рвах, заполненных трупами женщин с отрезанными грудями, о младенцах, насаженных на штыки, о разбросанных повсюду обгоревших телах, о деревнях, полностью стертых с лица земли.

Глиняный кувшин наполнился до краев. Дильнаваз отмерила шесть капель темно-лилового раствора. Ее не переставало тревожить то, что они не кипятят питьевую воду. Но Густад говорил, что процеживания и добавления марганцовки достаточно для обезвреживания. Она выжала намокший подол своей вылинявшей ночной рубашки с цветочным рисунком. От усилий на ее слишком быстро стареющих руках вздулись синие вены. Крышка на чайнике подпрыгивала и дребезжала.

– Интересно, что бы сказал об этом майор Билимория? – заметила она, засыпая в чайник три ложки «Брук Бонда». Шумное бурление чайника перешло в тихое бормотание. Она не любила заваривать чай прямо в чайнике, но английский темно-коричневый заварной чайник, который служил им двадцать лет, треснул. Износившийся чайный чехол, из которого сыпалась заплесневевшая набивка, тоже надо бы было заменить.

– Майор Билимория? Сказал бы – о чем? – Не заподозрила ли она что-нибудь насчет спрятанного письма, подумал Густад, стараясь сохранить равнодушный тон.

– Насчет этих беспорядков в Пакистане. Люди говорят, что будет война. У него, с его военным прошлым, могла бы быть внутренняя информация.

Майор Билимория жил в Хоадад-билдинге почти столько же, сколько Ноблы. Густад всегда ставил его в пример своим сыновьям, требуя, чтобы они ровно держали спину при

---

¹⁷ Левоцентристская политическая партия, основанная в Восточном Пакистане в 1949 году. «Авами Лиг» возглавила борьбу бенгальцев за независимость. После провозглашения в марте 1971 года независимости и последовавшей девятилетней освободительной войны была образована Народная Республика Бангладеш, и «Авами Лиг» выиграла первые всеобщие выборы в 1973 году.

¹⁸ Ага Мухаммед Яхья Хан (1917–1980) – пакистанский государственный деятель, в 1969 году стал третьим президентом Пакистана.

¹⁹ Муджибур Рахман (1920–1975) – политический и государственный деятель Пакистана и Бангладеш, первый президент и премьер-министр Бангладеш.

ходьбе, втягивая живот и выпячивая грудь, как «дядя майор». Отставной майор любил потчевать Сохраба и Дариуша историями о своих героических армейских днях и участии в битвах. В глазах его юных слушателей эти истории мгновенно обретали статус легенд, героем которых был их дядя майор: легенд про трусливых пакистанцев, которые, поджав хвосты, бежали в 1948 году от столкновения с индийскими солдатами в Кашмире, или о разгроме наводивших на всех ужас воинственных племен с северо-западной границы, являвшихся бичом могущественной английской армии во времена империи. Для этих диких и свирепых племен, рассказывал дядя майор, сражаться и убивать было все равно, что играть в любимую игру. Спущенные с цепи пакистанцами, они напивались пьяными и начинали громить первую попавшуюся на их пути деревню, вместо того чтобы двигаться вперед и атаковать столицу. Проходило немало часов, пока они рубили мирных жителей и рыскали от одного дома к другому в поисках денег, драгоценностей и женщин. И пока они предавались этим своим «забавам», продолжал дядя майор, у индийской армии образовалось время дожидаться подкрепления. Битва была выиграна, опасность для Кашмира миновала. Тут дети издавали вздох облегчения и начинали аплодировать. Его истории – о переходе через перевал Банихал, о битве за Барамулу, об осаде Шринагара – были такими захватывающими, что Густад и Дильнаваз сами слушали их как завороченные.

А в прошлом году майор Билимория исчез из Холадад-билдинга. Пропал, никому не сказав ни слова, и никто не знал куда. Вскоре после этого приехал грузовик, у водителя был ключ от его квартиры и приказ забрать его вещи.

На задней части грузовика краской, буквами со множеством завитков, было написано: «Надейся на Бога, но сигнал при обгоне». На вопросы соседей ни водитель, ни его помощник ничего сообщить не могли, кроме: «*Humko kuch nahin maaloom*»²⁰.

Внезапный отъезд майора ранил Густада Нобла больше, чем он позволял себе показать. Всю глубину его боли понимала только Дильнаваз.

– Вот так, без всяких объяснений уехать, после того как мы столько лет были добрыми соседями, это бесстыдно. Чертовски дурной поступок! – единственное, что он сказал по этому поводу.

Но, хотя Густад и не хотел этого признавать, Джимми Билимория был для него больше чем соседом. Самое меньшее – любимым братом. Почти членом семьи, вторым отцом его детей. Густад подумывал о том, чтобы назначить его их опекуном в завещании на случай, если что-то непредвиденное случится с ним и Дильнаваз. Даже спустя год после исчезновения майора он не мог думать о нем без сердечной боли. Лучше бы Дильнаваз не произносила его имени. Достаточно было и того письма, при воспоминании о котором у него вскипала кровь.

Стараясь сохранить видимость невозмутимости, он переборщил с сарказмом:

– Откуда мне знать, что подумал бы Джимми о пакистанских событиях? Он ведь не оставил нам своего нового адреса, не так ли? А то можно было бы написать ему и поинтересоваться его экспертным мнением.

– Ты все еще расстроен, – сказала Дильнаваз. – А я все равно думаю, что без веской причины он бы вот так не исчез. Он был хорошим человеком. Когда-нибудь мы узнаем, что случилось.

Она задумчиво кивнула, помешивая чай в алюминиевом чайнике. Цвет чая стал таким, как нужно, и она налила две чашки. Из ледника достала остатки вчерашнего молока: *бхайя* еще не приходил, но им на двоих хватило. Густад налил чаю в блюдце и подул. Он как раз закончил читать газету, как подошло время молитвы, поэтому он подхватил свою черную бархатную шапочку и вышел во двор. В кроне одинокого дерева бодро чирикали воробы.

²⁰ Понятия не имеем (*хинди*).

Когда в середине его моельного обряда где-то заговорило радио, сначала на хинди, потом, попеременно с ним, Всемирная служба Би-би-си, оно ничуть не отвлекло его, потому что он уже знал все новости.

IV

Новостная программа индийского радио закончилась, и после колокольчиков последовал блок рекламы: масла «Амул» («...исключительно маслянистое и аппетитное»), мыла для хамама, крема для обуви «Цветок вишни»... Другой приемник, настроенный на трескучую волну Би-би-си, выключили.

Закончив первый круг опоясываний своим *кушти* и с удовлетворением убедившись, что оба конца пояса имеют одинаковую длину, он поднял, потом опустил плечи, чтобы *судра*²¹ удобно уселась на нем: от этого движения рубашка чуть выбивалась из-под пояса и переставала обтягивать живот, ему это нравилось. При этом он почувствовал холодок в пояснице, напомним о прорехе. В большинстве его *судр* имелись дырки, и Дильнаваз постоянно ворчала, что опять надо ставить заплатку, хотя это совершенно бесполезно: не успеешь залатать одну дыру, как появляется другая. На это Густад обычно просил ее не волноваться. «Небольшая вентиляция не помешает», – со смехом говорил он, отшучиваясь от их стесненных обстоятельств.

Обратив лицо к небу и закрыв глаза, он начал молча, лишь шевеля губами, читать молитву Сарошу²², когда обычные бытовые шумы дома потонули в реве дизельного мотора. Грузовик? Несколько секунд мотор работал на холостом ходу, и Густад с трудом поборол искушение обернуться и посмотреть. Ничто не вызывало в нем большего неудовольствия, чем помехи в его утренней молитве. Невоспитанность, вот что это такое. Он же не обрывает грубо разговор с другим человеческим существом, так почему он должен обрывать свой разговор с Великим Отцом Ормуздом?²³ Тем более сегодня, когда у него есть особый повод возблагодарить его – за поступление Сохраба в ИТИ, которое, словно по мановению волшебной палочки, враз окупило все его усилия и тяготы.

Ревевший грузовик уехал, оставив после себя облако дизельного выхлопа, долго еще висевшее над воротами. Постепенно утренний воздух наполнялся едкими запахами. Густад сморщил нос и продолжил свою молитву.

К моменту ее завершения он уже начисто забыл о грузовике и направился к двум кустам на крохотном лоскутке пыльной земли под его окном, напротив черной каменной стены, чтобы привычно уделить несколько минут своему ежедневному садоводству. В ветвях запутались обрывки бумаги. Каждое утро он ухаживал за обоими своим растениями, хотя сам посадил только розовый куст, мятный однажды пророс сам собой. Зная, что это сорняк, Густад чуть было не вырвал его, но мисс Кутпитья, увидев это с верхнего балкона, поспешила разъяснить ему полезные медицинские свойства этого конкретного вида мяты.

– Это очень редкий вид, очень редкий! – крикнула она. – Его аромат регулирует кровяное давление!

Оказалось, что крохотные белые двугубые цветочки, растущие соцветиями-колосками, содержат семена. Если вымочить их в воде и проглотить, они могут вылечить от многих болезней живота. Поэтому Дильнаваз настояла, чтобы он оставил мятный куст и хоть этим – за неимением ничего другого – доставил удовольствие старушке. Весть об открытии нового чудодейственного лекарства распространилась быстро, и люди, останавливаясь возле куста, просили дать им несколько листочков или немного магических семян. Этот ежедневный спрос

²¹ Судра – священная сорочка парсов, в которой они молятся. В такую сорочку парсы с особой церемонией облачают своих детей, когда им исполнится шесть лет и три месяца. Одновременно на ребенка возлагается и священный пояс-шнурок *кушти*.

²² Сарош, или Сраош, – один из главных зороастрийских святых. В Гатах (Гаты – «песнопения» – наиболее значимая и почитаемая часть Авесты) основной функцией Сароша является распространение религии Ахура Мазды среди человечества, поскольку сам Сарош узнал о ней от самого Ахура Мазды.

²³ Ормузд – употребительное в европейской литературе имя высшего божества древних иранцев (Ахура Мазды).

сдерживал буйный рост куста, в противном случае угрожавшего забить розу с ее нежными цветками, которые приносили Густаду несказанную радость.

Он убрал с мятых обрывки бумаги, целлофановые конфетные обертки, палочку от мороженого «Квалити»²⁴ и, перейдя к своему любимому кусту, усеянному розовыми цветами, собрал опавшие лепестки. Горшок, в котором рос куст, был примотан к столбцу лестничной площадки толстой проволокой, обвивавшей его несколькими замысловатыми петлями и закрученной хитроумными узлами, – злодею, который вознамерился бы украсть его, понадобился бы не один час на их распутывание. В этот момент от ворот снова потянуло дизельным дымом, и, подойдя, Густад увидел приклеенное к столбу объявление. Блестящая масляная лужица указывала место, где останавливался автомобиль. Официальный документ, спущенный муниципалитетом, пучился от попавших под него воздушных пузырьков и комков клея. Прочитав его, Густад произвел в уме кое-какие подсчеты. Эти чертовы ублюдки совсем с катушек съехали. Зачем нужно расширять здесь дорогу? Он поспешно измерил расстояние шагами. Двор сузится больше чем на половину нынешней своей площади, и черная каменная стена нависнет непосредственно над окнами жильцов нижнего этажа. Дом станет больше похож на тюремный лагерь, чем на человеческое жилье, они окажутся запертыми в клетке, как куры в курятнике или овцы в загоне, а дорожные и уличные шумы будут врывать прямо в окна. Не говоря уж о мухах, москитах и чудовищной вони – ведь бессовестные люди давно привыкли использовать окружающую дом стену в качестве общественного уличного туалета, особенно поздно вечером.

Впрочем, пока это лишь планы, ничего из них не выйдет. Разумеется, владелец дома не отдаст половину своего двора за «честную рыночную цену», которую предлагал муниципалитет. В нынешние времена трудно сыскать что-нибудь более бесчестное, чем правительственная «честная рыночная цена». Владелец, конечно же, обратится в суд.

Возвращаясь через двор домой, он не переставал ощущать резкий запах дизельного выхлопа. Он напомнил ему о том дне, девять лет назад, когда с ним произошел несчастный случай: тогда в воздухе тоже стоял этот тяжелый запах, не рассеивавшийся все то время, что он, со сломанным бедром, лежал на проезжей части, на пути у мчащихся прямо на него автомобилей. Сморщив нос, Густад подумал: хоть бы ветер переменял направление. Когда он вошел в квартиру, нога, та, на которую он хромал, начала немного болеть.

---

²⁴ Kwality Wall's – бренд замороженных десертов, принадлежащий индийской компании по производству потребительских товаров Hindustan Unilever.

Глава вторая

I

Дильнаваз твердо решила, что не будет помогать Густаду в его безумной и совершенно нецелесообразной затее. Живая курица в доме! Что дальше? Никогда еще он вот так не вмешивался в ее кухонные дела. Да, порой заглядывал, особенно по воскресеньям, поднимал крышки, вдыхал ароматы, упрасивал ее, чтобы она приготовила *качумбер*²⁵ из лука, кориандра и острого зеленого чили к *дхансаку*²⁶, булькавшему в тот момент на плите. Но за двадцать один год их совместной жизни это был первый раз, когда он вторгся в ее хозяйство столь основательно, и она не знала, что это значит и как далеко может завести.

– Откуда у нас эта корзина? – спросил Густада, накрывая курицу широкой плетеной корзиной, которая с незапамятных времен висела на гвозде под кухонным потолком. Не то чтобы ему действительно важно было это узнать, просто хотелось что-то сказать, чтобы разрядить атмосферу, накалившуюся между ними с того момента, когда он вернулся с рынка Кроуфорд, неся в хозяйственной сумке что-то, беспокойно трепыхавшееся.

– Я не знаю, откуда у нас эта корзина, – коротко и сухо ответила Дильнаваз.

Он подозревал, что дело было в какой-то дурной примете, сведениями о которых пичкала ее мисс Кутпатья, но из предосторожности продолжил миролюбивым тоном:

– Ну наконец-то она пригодилась. Хорошо, что мы ее не выбросили. Интересно все же, откуда она у нас взялась?

– Я уже сказала: не знаю.

– Да-да, дорогая Дильну, сказала, – ласково ответил он. – На ближайшие два дня она станет домом для нашей курочки. Когда их накрываешь корзиной, они успокаиваются, мирно спят и набирают вес.

– Откуда мне это знать? В моей семье курицу всегда приносили домой уже зарезанной.

– Поверь, ты сама почувствуешь разницу во вкусе, когда через два дня она будет плавать в твоём коричневом соусе вместе с луком и картошкой. Ах-ах-ах, этот твой коричневый соус! Дильну, ты такая мастерица его готовить! – Он причмокнул губами.

План пришел Густаду в голову накануне. Ночью ему приснилось собственное детство, и, проснувшись, он вспомнил весь сон в подробностях: это был какой-то веселый праздничный день, дом звенел смехом и был полон цветов в вазах, над дверями висели нанизанные на веревку пучки можжевельника, и музыка, музыка, музыка весь день: «Сказки Венского леса», вальс Легара «Золото и серебро», «Вальс конькобежцев» Вальдтейфеля, «Весенние голоса», увертюра к «Летучей мыши» и многое, многое другое беспрерывно звучало из граммофона в его сне, между тем как бабушка рассылала слуг покупать особые травы и *масалу*²⁷ для приготовления праздничных блюд под ее неусыпным надзором.

Такое радостное волнение и такое счастье наполняли во сне любимый дом его детства, что, проснувшись, он ощутил острую печаль в сердце. Он не мог вспомнить, что именно праздновали в его сне – вероятно, чей-нибудь день рождения или юбилей, – но помнил, что отец принес с рынка живых цыплят, и они два дня перед торжеством набирали вес у них дома. Какой же веселый был праздник!

---

²⁵ Качумбер – хрустящий индийский салат из свежих овощей с чили и зернами граната, заправленный лимонным соком.

²⁶ Дхансаку – популярное в общине индийских парсов блюдо, сочетающее элементы персидской и гуджаратской кухни: тушеная баранина или козлятина со смесью чечевицы и овощей.

²⁷ Масала – пряная смесь из нескольких специй, измельченных в порошок.

В детстве Густада в доме его родителей было принято покупать живых кур. Тощую битую птицу, ощипанную и выпотрошенную, бабушка не признавала. Густад помнил, как их приносил в корзине, балансировавшей у него на голове, слуга, сопровождавший на рынок отца, иногда его сопровождали двое, четверо, даже восьмеро слуг – в зависимости от того, сколько ожидалось гостей. Бабушка осматривала каждую птицу, неизменно расхваливая сына за отличный выбор, отпускала кудахтавшую добычу, потом по своему списку проверяла купленные пакеты со специями и прочие кулинарные ингредиенты.

Но специи и ингредиенты были лишь половиной секрета. «Если покупаешь птицу, – говаривала бабушка в ответ на похвалы своему поварскому искусству, – нужно покупать ее живой, голосащей, *jeevti-jaagti*²⁸, или не покупать никакой. Сначала два дня – ни в коем случае не меньше – кормить, причем отборным зерном, самым отборным, и всегда помнить: что попадает в живот курице, в конце концов попадает в твой живот. Через два дня возьмите кастрюлю, зажгите плиту, держите наготове *масалу*. Затем нарежьте курицу и начинайте готовить. Быстро-быстро-быстро, не теряя времени». Мясо будет иметь совершенно другой вкус, утверждала она, оно будет сочным, свежим и сладким – ничего общего с жилистой жвачкой на костях тощих кур, купленных на базаре двумя днями раньше.

Эти пришедшие во сне воспоминания о давних блаженных временах сопровождали его весь день, и он решил: пусть хоть раз, только один раз, всего на один день его убогая квартира наполнится счастьем и весельем, какие жили в доме его детства. И этим днем будет воскресенье. «Пригласим на обед одного или двух сослуживцев из банка – в первую очередь моего старого друга Диншавджи, устроим маленькую вечеринку. С курицей, несмотря на дополнительные расходы. Отпразднуем день рождения Рошан и поступление Сохраба в ИТИ».

Как только корзина опустилась на курицу, та высунула между ее прутьями свой любопытный клюв и, почувствовав себя в безопасности под защитой плетеного купола, принялась периодически кудахтать.

– А теперь немного риса, – сказал Густад.

– Я к этой курице даже не притронусь, – огрызнулась Дильнаваз и, вспомнив его недавнюю шутку: «Питание и проживание – моя забота», добавила про себя: «Если он думает, что меня можно шуточками заставить ухаживать за этим существом, то он глубоко заблуждается».

– Кто тебя просит к ней прикасаться? – ответил Густад. Если раньше он балагурил, пытаясь задобрить ее, то теперь в его голосе послышалась ледяная нотка. – Просто положи немного риса в маленькую мисочку и дай мне. – Миролюбие в его интонации явно становилось нарочитым.

Он поехал на рынок прямо с работы и теперь все еще был в своем офисном костюме: в галстук, белой рубашке и белых брюках. Все на нем было белым, кроме того места, которое курица испачкала, когда он привязывал ее к ножке кухонного стула длинным жестким шнуром из кокосовых волокон. День выдался длинным, и он устал.

Кроме того, в лучшие времена он презирал рынок Кроуфорд. В отличие от своего отца, которому нравилось его посещать. Отец рассматривал такие поездки как своего рода приключение: отважная вылазка в логово негодяев – так он их называл. Он любил поддразнить продавцов, подшутить над ними, их товарами, привычками, поторговаться, сохраняя при этом абсолютно корректный тон и никогда не преступая грань между добродушной насмешкой и грубостью, и в конце концов всегда выходил победителем с высоко поднятым флагом, взяв верх над всеми мошенниками. В отличие от отца, которому эта игра доставляла удовольствие, Густад робел на рынке Кроуфорд.

Возможно, дело было в различии обстоятельств: отец всегда появлялся там в сопровождении минимум одного слуги, приезжал и уезжал на такси; Густад же приходил один, со своим

²⁸ Живенькой и бодрой (*хинди*).

тощим кошельком и обшарпанной корзинкой, выстланной газетой, чтобы с мяса в автобусе не накапал сок, что вызвало бы неловкость или, того хуже, бурное возмущение пассажиров-вегетарианцев. Всю дорогу он волновался и чувствовал себя виноватым, словно его корзина была смертоносной бомбы. Разве не потенциальный источник индо-мусульманских столкновений нес он в руках? Столкновений, которые часто начинаются из-за антагонизма обычаев, связанных с употреблением мяса – свинины или говядины.

Для Густада в рынке Кроуфорд не было ничего привлекательного. Он был грязным, вонючим, скученным местом, где ноги скользили по животным и растительным отбросам; похожий на пещеру мясной павильон с огромными зловещими крюками, свисающими с потолка (некоторые – пустые, на других висели говяжьи туши, причем пустые казались более устрашающими), был темным и отталкивающим, а мясники пускали в ход всевозможные уловки, чтобы приманить покупателя: то назойливо зазывали или угодливо подольщались, то хвастались превосходным качеством своего товара, то злорадно предупреждали, что у конкурентов мясо испорченное, – и все это предельно громко. В тусклом свете и зловонном воздухе, кишевшем нагло-воинственными мухами, все обрело угрожающую ауру: голоса мясников, охрипшие от непрерывных криков, струи пота, бежавшие по их лицам и оголенным рукам и стекавшие на липкие, заляпанные кровью безрукавки и *лунги*²⁹; вид и запах крови (иногда жидкой, иногда уже свернувшейся) и костей (измазанных кровью или отскобленных добела), беспрерывное мелькание наводящих ужас разделочных ножей, которые мясники почти не выпускали из рук, дико размахивая ими в процессе торговли с покупателем.

Густада знал, что его страх перед рынком Кроуфорд берет начало из бабушкиных страхов о мясниках. «Никогда не спорь с мясником, – предупреждала она. – Если он выйдет из себя, тогда – хрясь! – может проткнуть тебя ножом! Даже не задумываясь. – А потом, более мягким, не таким пугающим, но более назидательным тоном объясняла подоплеку своего мудрого наставления: – Помни: вся жизнь мясника, его повседневное занятие – это забой скота и разделка туши. Это его вторая натура. Только скажет: “Бисмиллях!”³⁰ – и все, нож с размаху опускается».

Если над ней подшучивали по этому поводу, бабушка твердо заявляла, что видела собственными глазами, как мясник делал свое «хрясь!», вонзая нож в человеческую плоть. В детстве Густада с восторгом слушал эту байку, но когда стал ходить на рынок Кроуфорд за покупками, вспоминал бабушкин рассказ с некоторой нервозностью и никогда не чувствовал себя в этом месте непринужденно.

Он старался выбрать хорошую курицу для дня рождения Рошан, но ему было трудно толком ощупать птицу под всеми ее перьями, поскольку продавец протягивал их ему одну за другой очень быстро.

– Вот, взгляните на эту, *сэт*³¹, смотрите, какая хорошая. Пощупайте под крылом. Расправьте ее, расправьте, не беспокойтесь, ей не больно. Смотрите, вот сюда ткните. Видите, какая толстая, мясистая. – Он проделывал это, поочередно хватая кур за ноги, держа головой вниз и как будто взвешивая.

Густада наблюдал за всем этим, крайне смущенный, мял и тыкал, делая вид, что знает толк в курах. Но все они были для него одинаковы. Когда же он наконец выбрал одну, то руководствовался скорее ее голосовыми данными – она кудахтала громче других. Свою некомпетентность по части домашней птицы он был готов признать первым. Те разы, когда он мог позволить себе купить курицу для семьи за последние двадцать лет, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Так что куры определенно не входили в сферу его опыта.

²⁹ Лунга – полотно длиной до лодыжек, обернутое вокруг бедер.

³⁰ Во имя Аллаха (*араб.*).

³¹ Сэт – искаженное «сэр».

Другое дело говядина. Здесь он был специалистом. Много лет назад его одноклассник по колледжу Малколм Салданья научил его всему, что касается коров и быков. Это случилось примерно в то же время, когда Малколм помог ему спасти мебель из когтей хищного судебного пристава.

Потеря книжного магазина сломила отца Густада, лишила его воли к жизни, его перестали интересовать бывшие еженедельные походы на рынок Кроуфорд. С исчезновением его любимых книг и крахом бизнеса где-то в лабиринте судопроизводства затерялся и его аппетит. Густада не на шутку тревожило то, что отец даже внешне как-то скукожился. Густада со своим скромным доходом от частных уроков, которые давал школьникам, старался теперь как мог быть для семьи кормильцем. И благодаря советам Малколма, под его руководством сумма получаемых им рупий растягивалась на срок более долгий, чем он мог себе представить.

Малколм был высоким юношей, с кожей слишком светлой для уроженца Гоа. Он с удовольствием объяснял ее происхождение смешением крови португальских колонизаторов с местной кровью. У него были полные красные губы и гладкие блестящие черные волосы, всегда разделенные слева на косой пробор и зачесанные назад. Отец Малколма, на которого он был очень похож и внешне, и своими талантами, преподавал игру на фортепьяно и скрипке, готовя своих учеников к экзаменам, которые периодически проводились в Бомбее Королевской школой музыки и Тринити-колледжем. Мать Малколма была первой скрипкой в Бомбейском камерном оркестре, а старший брат играл на гобое. Малколм аккомпанировал на фортепьяно студенческому хору колледжа на репетициях и выступлениях. Он говорил, что собирался стать профессиональным музыкантом, однако отец настоял, чтобы он завершил образование, получив диплом бакалавра.

Густада восхищался Малколмом, даже немного завидовал, ему тоже хотелось бы играть на каком-нибудь музыкальном инструменте. Несмотря на то что в более счастливые времена их дом был наполнен музыкой – в темном кабинете отца стояла радиолка, эдакий полированный сезам, и на полках рядами громоздились пластинки, – в доме не было ни одного музыкального инструмента, если не считать мандолины, с которой его мать, еще девочкой, позировала для сохранившейся с тех далеких времен фотографии. Эта фотография чрезвычайно его интересовала, и иногда мать, глядя куда-то вдаль отсутствующим взглядом, описывала Густаду нежным голосом, которому не хватало твердости, чтобы повлиять на положение дел в доме Ноблов, эту мандолину и рассказывала, какие мелодии она играла на ней.

Хотя он не был одним из них, в доме Малколма Густада всегда приветали. Иногда мистер Салданья исполнял для мальчиков какое-нибудь соло на скрипке, иногда Малколм ему аккомпанировал, и в такие моменты Густада ненадолго забывал о своих невзгодах. В те чрезвычайно трудные времена, когда каждая *анна*³², каждая *пайса*³³ были на счету, музыкант Малколм учил его есть говядину и тем самым уменьшать ущерб, наносимый бумажнику.

– Нам повезло, – всегда говорил он, – что мы принадлежим к национальным меньшинствам в Индии. Пусть они себе едят свои бобы, нут, фасоль со своей вонючей *асафетидой*³⁴, которую они называют *хинг*. Пусть пропукивают свои жизни. Современные индусы едят баранину. Или курятину, если хотят быть более модными. Но мы будем получать свой белок от их священных коров.

³² Анна – разменная индийская колониальная монета, равная 1/16 рупии. Оставалась разменной монетой в Индии до 1957 года.

³³ Пайса – разменная монета Индии. До перехода на десятичную денежную систему пайса равнялась 1/64 *рупи*, а после перехода (в 1957 году) – 1/100 *рупи*.

³⁴ Асафетида – высушенный млечный сок, выделяемый из корневища нескольких видов многолетних трав. Асафетида имеет резкий запах, благодаря чему получила просторечное название – «вонючая резинка». При приготовлении запах исчезает. Эта специя используется в качестве приправы к еде и при мариновании и играет важную роль в индийской вегетарианской кухне.

Порой, передразнивая их профессора экономики, он говорил:

– Никогда не забывайте закон спроса и предложения. Это ключ ко всему. Он держит низкие цены на говядину. А она здоровей, потому что священной.

По утрам в воскресенье они с Малколмом отправлялись на рынок Кроуфорд, но прежде всегда заходили в церковь, Малколм не пропускал мессу. Густад сопровождал его, макал пальцы в чашу с освященной водой и крестился, повторяя все, что делал друг, чтобы не выделяться и не оскорблять чувств прихожан.

В первое посещение Густада чрезвычайно заинтриговала церковь и проводившиеся в ней ритуалы, так не похожие на то, что происходило в храме огня. Но он был настороже, с детства приученный противостоять соблазнам других религий. Все религии равны, как его учили, но человек должен оставаться верен только одной, потому что религия – не модная одежда, которую можно менять по прихоти, следуя капризам моды. Его родители в этом смысле были особо щепетильны, учитывая, что обращение в другую веру и отступничество в их стране были весьма распространены и имели долгую историю.

Поэтому Густад сразу решил: пусть музыка в церкви приятная, а сверкание иконных окладов и роскошь облачений священников производят сильное впечатление, он предпочитает спокойное дыхание мирной тайны и личной безмятежности, которые царят в храме огня. Иногда, однако, он задавался вопросом: не делает ли Малколм любительской нерешительной попытки обратить его в свою веру?

Каковы бы ни были намерения Малколма-музыканта, на протяжении ряда воскресных утр он, прежде чем перейти к вариациям на тему говядины, представлял ему католическую прелюдию.

– Христианство пришло в Индию более чем девятнадцать веков назад, когда апостол Фома высадился на Малабарском берегу³⁵, населенном рыбаками, – поведал Малколм в их первое посещение. – Задолго до того, как вы, парсы, в семнадцатом веке прибежали сюда из Персии, спасаясь от мусульман, – подколот он друга.

– Может, оно и так, – включился в игру Густад, – но наш пророк Заратустра жил более чем за полторы тысячи лет до рождения вашего Сына Божия, за тысячу лет до Будды и за двести лет до Моисея. А знаешь ли ты, как зороастризм повлиял на иудаизм, христианство и ислам?

– Ладно-ладно, парень! – рассмеялся Малколм. – Сдаюсь.

Поскольку рынок Кроуфорд находился совсем недалеко от церкви, вскоре они уже были в его огромном мясном павильоне. Там Густад получил общее представление о говядине: ее питательной ценности, лучших способах приготовления, отборных частях и самое главное – о мясниках, которые продавали лучшую говядину на всем рынке.

В следующее воскресенье Малколм продолжил рассказ об истории христианства. Святого Фому почтительно окружили индусские праведники, брахманы, *садху*³⁶ и *ачарьи*³⁷, желавшие узнать, кто он такой и что делает в их краях. Встреча происходила на берегу моря. Святой Фома назвал свое имя, а потом сказал: «Окажите мне любезность, сложите ладони ковшиком, опустите в воду и попробуйте подбросить фонтан воды до неба». Они сделали, как он велел, но вода, всплеснувшись, упала обратно в море. Фома спросил: «Может ли ваш Бог сделать так, чтобы вода не падала обратно?» – «Какая чушь, мистер Фома, – сказали святые люди. – Существует же закон гравитации, закон Брахмы, Вишну и Шивы: вода должна падать обратно».

Тут Малколм – знаток говядины – отвлекся на самый важный пункт в ее выборе: если жир имеет желтоватый оттенок, значит, мясо – коровье, оно менее предпочтительно, чем мясо

---

³⁵ Малабár – историческая область в Южной Индии между берегом Аравийского моря и горами Западные Гаты. Иногда название Малабар применяют ко всему юго-западному побережью Индостана, которое называется Малабарский берег.

³⁶ Садху – аскет, отшельник, святой человек. Садху полностью посвящают себя достижению освобождения посредством медитации и познания Бога.

³⁷ Ачарьи – духовные вероучители.

быка, у которого жир белый. Но отличить одно от другого не так просто, существует много факторов: свет в огромном мясном павильоне может сыграть злую шутку, и желтое покажется белым. После нескольких первых визитов на рынок он предоставил Густаду действовать самостоятельно, чтобы набраться опыта, как он выразился, и попрактиковаться, ибо практика – секретное оружие всех виртуозов, и продолжил теологическую лекцию:

– Тогда святой Фома повернулся к рыбакам и спросил: «Если мой Бог сможет это сделать, если он удержит воду от падения обратно в море, будете ли вы поклоняться Ему и отречетесь ли от своих многочисленных языческих богов и богинь, от массы идолов и божков?» Индусские святые люди, посовещавшись между собой шепотом – давайте, мол, позабавимся, посмеемся над этим сумасшедшим иноземцем Фомой-*бхаем*, – ответили: «Да, да, Фома-*джи*³⁸, будем, конечно».

Святой Фома зашел в воду на несколько футов, сложил ладони ковшиком и подбросил воду к небу. И – о чудо! – вода повисла в воздухе, вся, большие и маленькие капли, круглые и удлинённые, все они стояли в воздухе, преломляя солнечный свет и волшебным сверкая во славу Господа Бога, творца всего сущего. На берегу собрались толпы народу: рыбаки, иностранные туристы, паломники, дипломаты, члены всевозможных комитетов, банкиры, нищие, мошенники, праздношатающиеся, бродяги – все присоединились к индусским святым мужам, пали на колени и стали просить святого Фому больше рассказать им о его Боге, чтобы они тоже могли Ему поклоняться.

Последней (после овладения умением отличать коровье мясо от бычьего) ступенью науки Малколма был выбор наилучших частей туши. Малколм объяснил, что шейная часть, которую мясники называют шейкой, – самая нежная, наименее жирная и быстрее всего готовится, что позволяет экономить на плате за топливо. Шейка также – самая вкусная часть, заверил Малколм, добавив: как только Густад в этом убедится, он ни за что не станет покупать баранину, даже если когда-нибудь она окажется ему по карману.

Годы спустя, когда Густад делал покупки самостоятельно, ему всегда хотелось поделиться премудростями Малколма с друзьями и соседями. Он мечтал научить их искусству выбора и приготовления говядины, чтобы они тоже отказались от дорогой баранины. Но никто не был восприимчив к его идее так же, как в свое время он – к идее Малколма, и в конце концов Густад оставил всякую надежду распространить среди них говяжье «Евангелие» от Малколма.

А потом настало время, когда и сам Густад перестал ходить на рынок Кроуфорд, довольствуясь теми жилистыми кусками козлятины или говядины, которые доставляли в Ходадад-билдинг разносчики. К тому времени он потерял связь с Малколмом и был избавлен от необходимости, испытывая неловкость, объяснять ему запутанную связь между прекращением походов на рынок Кроуфорд и возглавляемым садху общенациональным протестом против убийства коров. Оставаться безгласным, никому не известным вероотступником было гораздо проще.

---

³⁸ Джи – уважительная безличная форма обращения к мужчинам и женщинам, переводится как «уважаемый» или «дорогой».

II

Рошан заглянула в корзину через щель между прутьями и отказалась кормить курицу. Она никогда не видела живого цыпленка и даже мертвого – только в приготовленном виде.

– Давай, не бойся, – сказал ей отец. – Представь себе ее в тарелке на твой день рождения, и тебе не будет страшно. – Он поднял корзину. Рошан бросила горстку зерен и отдернула руку.

Курица, уже привыкшая к своему новому окружению, принялась деловито клевать зернышки, довольно кудахча. Рошан заворовили вид птицы и ее поведение. Она вообразила, что это ее домашнее животное, что она будет чем-то вроде собаки, о которой рассказывалось в ее английской «Книге для чтения». Она сможет гулять с ней во дворе, держа ее на веревочке, как на поводке, или посадив на плечо, как на той картинке в учебнике, где зеленый попугай сидит на плече у мальчика.

Она все еще сидела в кухне, мечтая, когда посмотреть на курицу явились Сохраб и Дариуш. Дариуш насыпал на ладонь рисовых зернышек и протянул курице, та стала есть у него с руки.

– Ишь, красуется, – сказал Сохраб, поглаживая птицу по крыльям.

– А клюв больно щиплет? – спросила Рошан.

– Нет, просто немного щекочет, – ответил Дариуш.

Теперь Рошан тоже захотела погладить курочку и осторожно протянула руку, но птица вдруг снова занервничала, захлопала крыльями, доклевала свои зерна и отступила назад.

– Она сделала ка-ка! – воскликнула Рошан.

Дильнаваз терпела из последних сил.

– Ты посмотри на эту грязь! Она повсюду! Из-за твоей дурацкой курицы вся кухня изгваздана. А передняя комната завалена твоими книгами и газетами, и все окна и вентиляционные отверстия закрыты зетемненной бумагой! Пыль и грязь повсюду. Как же мне это надоело!

– Да-да, Дильну, голубушка, я знаю, – сказал Густада. – Мы с Сохрабом на днях сделаем наконец эту книжную полку, аккуратно расставим на ней книги и сложим газеты. Да, Сохраб?

– Обязательно, – согласился Сохраб.

Она взглянула на них.

– Книжная полка – это, конечно, прекрасно, но если ты думаешь, что я буду подтирать помет за твоей курицей, то ты глубоко заблуждаешься.

– К утру воскресенья его станет еще больше, – сказал Густада, – но ты не беспокойся, я все вычищу. – Он отнесся к ее словам спокойно, но это было явной недооценкой с его стороны. В его детстве за живностью следили слуги.

Сохраб успокоил курицу, прижав ее крылья к туловищу, и позвал сестру, чтобы та ее погладила.

– Иди сюда, она не сделает тебе больно.

– Ты только посмотри, – сказал Густада, умиляясь, – можно подумать, что он всю жизнь имел дело с курами. Видишь, как умело он ее держит? Говорю тебе, наш сын будет отличником в ИТИ, и из него выйдет самый лучший инженер, когда-либо оканчивавший этот институт.

Сохраб отпустил курицу. Она рванула под стол, от чего грубо сплетенный шнур зазмеился как живой и стал корчиться, словно уж на сковородке.

– Перестань, – процедил сквозь зубы Сохраб, обращаясь к отцу. – Какая связь между курицей и инженерным делом?

Густада опешил.

– Что это ты так рассердился из-за невинной шутки?

– Это не невинная шутка. – Сохраб повысил голос. – С тех пор как пришли результаты экзаменов, ты сводишь меня с ума своими разговорами об ИТИ.

– Не повышай голос на отца, – вставила Дильнаваз, подумав про себя: а ведь и правда, мы постоянно только об этом и говорим, строим планы и предположения. Как он будет жить в студенческом общежитии в Повасе³⁹ и приезжать домой на выходные, или мы будем навещать его и устраивать для него пикники, ведь колледж расположен так близко к озеру и там так красиво. А окончив ИТИ, он поступит в инженерный колледж в Америке, может, даже в МТИ⁴⁰, и... Но, дойдя до этого пункта, Дильнаваз обычно говорила себе: стоп, хватит мечтать и искать судьбу, пока Сохраб еще даже не начал учиться в ИТИ.

Она понимала, как он себя чувствует при подобных разговорах, но все равно нельзя позволять ему кричать на отца.

– Мы просто очень счастливы за тебя, что же тут плохого? Как ты думаешь, по какому поводу твой отец купил курицу? После тяжелого рабочего дня он сам поехал на рынок Кроуфорд. Стыдно, что, имея двух взрослых мальчиков в доме, он вынужден сам тащиться на базар. В твоём возрасте он уже сам оплачивал свою учебу в колледже. И материально поддерживал родителей.

Сохраб выскочил из кухни. Густада снова накрыл курицу корзиной.

– Ладно, оставь его в покое, нельзя все время дергать мальчика, – примирительно сказала Дильнаваз.

* * *

Около полуночи Дильнаваз встала в туалет и услышала тихое кудахтанье курицы. Должно быть, снова голодная, подумала она, включая свет. Слабые жалобные звуки заставили ее забыть о том, как решительно она возражала против живой курицы в доме. Направляясь за банкой с рисом, она задела медную мерную чашку. Та с громким стуком упала на пол, разбудив всю квартиру. Вскоре все прибежали на кухню.

– Что случилось? – спросил Густада.

– Я уже собиралась лечь обратно в постель, но услышала кудахтанье и подумала, что она просит еще поесть, – ответила Дильнаваз, сжимая пригоршню риса.

– Просит поесть? Ты так хорошо знаешь кур, что понимаешь их язык? – с раздражением сказал Густада.

«Ко-ко-ко-ко», – слышалось из-под корзины.

– Слышишь, папа? – воскликнула Рошан. – Она рада нас видеть.

– Ты так думаешь? – Его так растрогало замечание дочери, что все раздражение как рукой сняло. Он погладил девочку по волосам. – Поскольку птичка проснулась, можешь ее немножко покормить, а потом – марш в постель.

Все еще раз пожелали друг другу спокойной ночи и снова разошлись по своим кроватям.

---

³⁹ Повай – элитный жилой район, расположенный в центре Бомбея/Мумбаи, на берегу озера Повай, там, в частности, расположен и кампус Индийского технологического института.

⁴⁰ Массачусетский технологический институт, одно из самых престижных технических учебных заведений США и мира.

III

На следующий день после школы Рошан только и делала, что кормила курочку и играла с ней до самого вечера.

– Папа, можно нам оставить ее у себя навсегда? Я буду ухаживать за ней, обещаю.

Густада был тронут и доволен. Он подмигнул Дариушу и Сохрабу.

– Ну, что вы думаете? Спасем ей жизнь ради Рошан?

Он ожидал, что мальчишки запротестуют и станут облизывать губы в предвкушении завтрашнего праздника. Но Сохраб сказал:

– Я не возражаю, если мама уживется с ней на кухне.

– Пожалуйста, папочка, можно тогда нам оставить ее? Даже Сохраб хочет. Правда, Сохраб?

– Ну, на один день глупостей достаточно, – поставил точку Густада.

В воскресенье утром в дверь постучал мясник, приносивший мясо в Холадад-билдинг. Густада отвел его на кухню и показал на корзину. Мясник протянул руку.

Густада не мог скрыть недовольства.

– Сколько уж лет мы являемся вашими постоянными покупателями. Неужели вы не можете бесплатно оказать нам такую ничтожную услугу?

– Не сердитесь, *сэт*, я не прошу плату. Просто нужно что-нибудь положить мне в руку, чтобы я мог действовать ножом, не беря грех на душу.

Густада дал ему монетку в двадцать пять пайс.

– Я забыл про эту примету, простите, – признался он и вышел на крыльцо, не желая слышать последний крик отчаяния курицы и видеть ее конец.

Несколько минут спустя курица прошмыгнула мимо его ног и бросилась во двор, за ней гнался мясник.

– *Мурги, мурги!* Ловите *мурги!*⁴¹ – вопил он.

– Что случилось? – крикнул Густада, присоединяясь к погоне.

– О *сэт*, я взялся за веревку и поднял корзину, – задыхаясь, объяснял мясник, – а потом веревка осталась у меня в одной руке, корзина в другой, а курица проскочила между ног!

– Не может быть! Я сам ее привязывал! – На бегу легкое прихрамывание Густады превратилось в тяжелое припадание на одну ногу. Чем быстрее он бежал, тем уродливей оно становилось, и он не хотел, чтобы люди это видели. Мясник мчался впереди, стараясь схватить птицу. К счастью, вырвавшись во двор, она, вместо того чтобы броситься на дорогу, повернула направо и побежала вдоль черной каменной стены, которая и привела ее в тупик.

А там своей вихляющей утиной походкой расхаживал Хромой Темул. Он бросился на курицу и, ко всеобщему удивлению, включая и его собственное, поймал ее. Схватив за ноги, он поднял ее и стал с безумным ликованием размахивать ею, отчаянно бившей крыльями.

Хромого Темула можно было видеть во дворе с утра до вечера, и в дождь, и при ярком солнце. Стоило Густаде подумать о волшебстве, совершенном Мадхиваллой-Костоправом, исцелившим его сломанное бедро, на ум сразу приходил Темул, потому что Темул-*Лунграа*, Хромой Темул, как все его называли, был самым что ни на есть печальным примером человека, который, сломав бедро, имел несчастье подвергнуться традиционному методу лечения, как многие другие. Эти бедняги обречены много лет ходить на костылях или с палочкой, тужась, переваливаясь и задыхаясь в попытках снова научиться самостоятельно двигаться после операции, и впереди их не ждало ничего, кроме жизни с вечной болью.

---

⁴¹ Курица (*хинди*).

Хромой Темул всегда держался подальше от одинокого дворового дерева, как будто боялся, что оно вытянет одну из своих ветвей и ударит его. В детстве он упал с этого дерева, пытаясь достать запутавшегося в его кроне воздушного змея. Мелия не была добра к Темулу, как к другим. Детям Хоадад-билдинга она помогала тем, что сок срезов ее веток оказывал успокаивающее действие на зудящую сыпь при кори и ветрянке. Напиток, который готовила из ее листьев (истолченных в ступке пестиком в темно-зеленую кашу) Дильнаваз, способствовал нормальной работе кишечника у Густада все двенадцать недель, беспомощно проведенных в постели. Слугам, разносчикам и нищим, проходившим мимо, прутки мелии служили зубной щеткой и зубной пастой одновременно. Год за годом дерево бескорыстно отдавало себя всем, кому требовалась его помощь.

Но Темулу оно не благоволило. При падении с него он сломал бедро и, хоть приземлился и не на голову, что-то случилось внутри нее в результате этого несчастного случая – подобно тому, как иногда во время землетрясения раскалывается дом, находящийся далеко от его эпицентра.

После падения Темул уже никогда не стал таким, каким был прежде. Родители не забирали его из школы, надеясь хоть как-то поддержать и спасти от изоляции. Работало это или нет, но мальчик был счастлив, с трудом ковыляя туда на своих маленьких костылях, и они платили за его обучение, пока администрация школы не отказалась держать его в ней дальше и вежливо не объяснила им, что для всех причастных было бы лучше, если бы академическая карьера Темула на этом закончилась. Теперь его родители уже давно были мертвы, и за ним приглядывал старший брат, который работал кем-то вроде коммивояжера и постоянно находился в разъездах, но Темула это ничуть не огорчало. В свои тридцать с хвостиком он по-прежнему предпочитал детскую компанию. Исключение он делал только для Густада. По какой-то причине Густада он обожал.

Часто можно было видеть, как Темул регулирует движение вокруг дьявольского дерева, предупреждая детей, чтобы они держались от него подальше, если не хотят пострадать так же, как он. Он больше не пользовался костылями, но часто расхаживал перед детьми взад-вперед, демонстрируя в назидание им свою вихляющую походку и кривое бедро.

Дети в большинстве своем относились к нему хорошо, редко кто обижал его, пользуясь своим физическим превосходством. Предметы, оказывавшиеся в воздухе, – все, что свободно парило, взлетало, падало и трепетало, – приводили его в восторг. Будь то птица, бабочка, бумажный самолетик или сорвавшийся с дерева лист, он неустанно гонялся за ними, пытаясь поймать. Зная его увлеченность всем, что летает, дети иногда, завидев его, подбрасывали перед ним мяч, веточку или камешек, но так, чтобы он самую малость не мог до них дотянуться. Храбро преследуя летящий предмет, Темул обычно падал сам. Или посылали перед ним футбольный мяч и, стоя сзади, наблюдали, как он ковыляет за ним. В тот самый момент, когда ему казалось, что он догнал мяч, несогласованное движение его ступней подталкивало мяч дальше, и безнадежное преследование возобновлялось.

Но в целом Темул прекрасно ладил с детьми. Не хватало терпения выдерживать иные его раздражающие привычки взрослым. Он любил провожать людей: от дворовых ворот до входа в дом, вверх по лестнице, до самой двери. И всегда, пока дверь не закроется, – с широкой улыбкой на лице. Некоторым это так докучало, что, прежде чем войти в ворота, они выглядывали из-за столба, чтобы убедиться, что путь свободен, или ждали, когда Темул повернется к ним спиной, чтобы проскочить незамеченными. Находились и такие, которые кричали на него и гнали, размахивая руками, пока до него не доходило, чего от него хотят; в этих случаях он выглядел крайне обескураженным, поскольку не понимал, почему так.

Но даже те, кого не раздражала привычка Темула всех провожать, не выносили другой его привычки – чесаться. Чесался он постоянно, как одержимый, – в основном под мышками и в паху. Чесался круговыми движениями рук, не только скребущих, но и словно бы что-то

взбалтывающих, взбивающих, так что те, кому тонкости в изобретении прозвищ хватало на большее, чем Хромой Темул, называли его Омлетом. Женщины жаловались, будто он делает это намеренно в их присутствии, чтобы их смущать, и что он скорее потирает и ласкает себя, чем чешет.

*Muà lutchā*⁴², говорили они, прекрасно знает, для чего предназначены все части его тела, даром что с головой у него не все в порядке – остальное на месте, и он даже не носит нижнего белья, которое поддерживало бы его хозяйство; стыд и срам, что все у него болтается на ходу.

Ну и наконец: слова куцега лексикона Темула вылетали из него с головокружительной скоростью и со свистом проносились мимо ушей слушателя. Как будто внутри у него имелось некое устройство, компенсирующее медлительность ног скоростью языка. Результат же был плачевным как для говорящего, так и для слушающего. Густада, один из немногих, мог разоб-
брать, что он говорит.

– ГустадаГустадакурицабежать. ГустадаГустадакурицабыстробыстро. ЯпоймаляпоймалГустада. – Темул торжествующе воздел руку, державшую курицу за ноги.

– Очень хорошо, Темул. Ты молодец! – сказал Густада, чутким ухом разделив поток его речи на слова. Этот речевой каскад у Темула никогда не разделялся никакими точками, восклицательными или вопросительными знаками, запятыми или иными знаками препинания – все они смывались напрочь бурным потоком его стремительного бормотания, без малейшего шанса уцелеть. Разве что конец абзаца можно было уловить. Да и то пауза не была полноценной – так, едва заметная остановка, чтобы перезарядить легкие кислородом.

– ГустадаГустадабежатьнаперегонки. Быстробыстрокурицавперед. – Он ухмыльнулся и дернул курицу за хвост.

– Нет-нет, Темул. Догонялки закончились. – Он забрал у него курицу и отдал мяснику, ожидавшему с ножом в руке. Темул стиснул себе горло, потом провел по нему ребром ладони, имитируя режущее движение, и издал ужасающе-пронзительный визг. Густада не удержался от смеха. Воодушевленный, Темул завизжал снова.

Мисс Кутпатья наблюдала за погоней сверху, из окна. Высунув голову наружу, она зааплодировала:

– *Сабааш*, Темул, *сабааш*!⁴³ Теперь мы официально назначим тебя куроловом Хоадада-билдинга. Отныне ты будешь нашим не только крысоловом, но и куроловом. – Трясаясь от беззвучного смеха, она втянула голову в окно и закрыла его.

На самом деле Темул крыс не ловил, он лишь избавлялся от тех, которые были пойманы жильцами Хоадада-билдинга. Подчинявшийся муниципалитету Департамент по борьбе с вредителями выплачивал двадцать пять пайс за каждую сданную крысу, живую или мертвую. Это было частью кампании, призванной инициировать тотальную войну против грызунов, представлявших угрозу для здоровья населения. Этим способом Темул зарабатывал немного денег – собирал крыс, попавшихся в клетки-крысоловки соседей, и сдавал их. Брезгливые соседи отдавали Темулу клетки с еще живыми крысами, их умерщвлением занимались уже в муниципалитете. Положено было крыс топить: клетки погружали в резервуар с водой и вынимали через определенный период времени. Тушки сваливали в кучу для дальнейшей утилизации, пустые клетки возвращали с соответствующим вознаграждением.

Но когда брат бывал в отъезде, Темул не сразу нес живых крыс в муниципалитет. Сначала он приносил их домой, чтобы развлечься «на муниципальный манер» – поучить их плавать и нырять. Наполнял ведро водой и поочередно окунал в него крыс. Вытаскивал, не давая

⁴² Чтoб он сдох, этoт негодяй (*Muà* – восклицание, производное от глагола «умирать», *lutchā* – негодяй (*хинди*)).

⁴³ Аллюзия на «Сабааш Мина» («Браво, Мина») – популярный индийский комедийный фильм, снятый в 1958 году на тамильском языке режиссером Б. Р. Пантулу.

захлебнуться окончательно, потом опускал снова – и так пока ему не надоедала эта забава или пока крысы не погибали из-за того, что он не рассчитал времени, держа их под водой.

Иногда, для разнообразия, он кипятил чайник и поливал крыс кипятком, подражая тем соседям, которым хватало храбрости самим умерщвлять попавших в ловушку крыс. Но в отличие от них он лил воду постепенно, отдельными порциями. Пока крысы визжали и корчились в агонии, он с большим интересом наблюдал за ними, особенно за их хвостами, гордясь тем, как те меняют окраску по его воле. Он хихикал, глядя, как они из серых превращаются в розовые, потом в красные. Если ошпаривание не убивало крыс до того, как иссякал кипяток, он опускал их в ведро.

Однажды секрет Темула открылся. Никто всерьез не осудил его. Однако все решили впредь никогда живых крыс Темулу не отдавать.

Но, вероятно, он понимал больше, чем думали люди. Когда мисс Кутпитья произнесла слово «крысолов», улыбка исчезла с его лица, и на нем появилось стыдливое выражение.

– Густадбольшиебольшиетолстыекрысы. Муниципальныекрысы. ГустадГустадтонущие-плавающиеныряющиекрысы. Курицабежалабольшойнож.

– Да, – сказал Густад. – Все хорошо. – Он никогда не мог решить, как лучше разговаривать с Темулом. Если не следил за собой, он невольно ловил себя на том, что сам начинает говорить все быстрее и быстрее. Надежней всего было использовать кивки и жесты в сочетании с односложными ответами.

Темул проводил его до квартиры, широко улыбнулся и помахал рукой на прощание. Дильнаваз, Рошан и мальчики ждали у двери.

– Веревка отвязалась от куриной ноги, – сказал Густад. – Хотел бы я знать, как это случилось. – Он многозначительно посмотрел на них. Мясник вернулся в кухню, на сей раз крепко держа птицу в руках, и глаза Рошан стали наполняться слезами. – Да, – сурово повторил Густад, – я очень хочу знать, как это случилось. Я купил дорогую курицу, чтобы отпраздновать день рождения и поступление в ИТИ, – и вот веревка оказывается отвязанной. Это что, такая форма благодарности?

Из кухни предательски донесся визг. Вытирая о тряпку нож, появился мясник.

– Хорошая курица, *сэт*, мясистая. – С почтительным поклоном он направился к Густаду.

Рошан разразилась рыданиями, и Густад прекратил свой допрос. Все четверо смотрели на него осуждающе, потом Дильнаваз пошла на кухню.

Две вороны с любопытством заглядывали в окно через прутья проволочной сетки. Их внимание привлекала бесформенная масса перьев и плоти на каменной плите возле крана. Когда Дильнаваз вошла, они истерично закаркали, расправили крылья, секунды две поколебались и улетели.

Глава третья

I

За несколько часов до званого обеда мисс Кутпитья, извинившись, отказалась от приглашения Дильнаваз, которое та сделала ей вопреки четким распоряжениям Густада. Мисс Кутпитья объяснила это так: в то утро, сев завтракать, она увидела в самом центре стола ящерицу, которая сидела неподвижно, нагло уставившись на нее и резко выбрасывая вперед длинный язык. И, как будто одного этого было мало, когда мисс Кутпитья, сорвав с ноги кожаную *сапат*⁴⁴, прилепнула ящерицу, у той оторвался хвост и продолжал еще минимум пять минут извиваться и плясать по столу. Мисс Кутпитья сочла это очевидным предзнаменованием и не намеревалась в предстоящие сутки и шагу ступить из дому.

Узнав об этом, Густад хохотал до упаду, пока Дильнаваз не пригрозила, что выключит плиту и прекратит свою стряпню.

– Посмотрим, как ты будешь смеяться, когда придет твой придурочный Диншавджи, а курица будет сырой.

– Прости, прости, – сказал он, изо всех сил стараясь изобразить серьезную мину. – Просто я представил себе, как ящерица показывает Кутпитье язык. – Он постарался заняться делом, чтобы помочь с подготовкой к вечеру. – Где у нас *гантия*⁴⁵ и арахис к напиткам?

– Я их ношу у себя на голове, не видишь, что ли? – Она закончила мешать что-то на плите и со стуком шваркнула ложку на стол. – В банках, конечно, где же еще?

– Не сердись, Дильну, дорогая. Диншавджи очень славный человек. Только что вернулся на работу после болезни, все еще похож на *fikko-fuchuk*⁴⁶, выглядит как призрак. Ему пойдет на пользу наша компания и твоя вкусная еда. – Аромат *басмати*⁴⁷ наполнил кухню, когда она, подняв крышку кастрюли, достала рисинку и растерла ее между большим и указательным пальцами. Потом шлепнула крышку обратно, явно так и не проникшись большей симпатией к другу Густада.

Диншавджи пришел в банк за шесть лет до Густада. Теперь его непрерывный стаж составлял тридцать лет, о чем он часто, либо с гордостью, либо жалобно, в зависимости от ситуации, сообщал всякий раз, когда представлялся случай. Он был старше Густада, но это не помешало им стать добрыми приятелями. Между ними возникла связь, характерная для подобного рода учреждений: она подпитывалась и крепла с каждым днем в пику сухости и косности, свойственным банковскому бизнесу.

Густад нашел две банки и высыпал закуски в маленькие вазочки, прежде чем заметил, что у одной из них отбиты края, а на другой имеется трещина с едва заметными остатками чего-то коричневого. Не имеет значения, решил он, нечего суетиться, старый добрый Диншавджи – свой человек. А теперь что у нас с напитками?

В бутылке из темно-коричневого стекла сохранилось немного рома «Геркулес XXX». Последний подарок майора Билимории, сделанный незадолго до его исчезновения. Густад засомневался, стоит ли выставлять бутылку. Взял ее, наклонил, чтобы понять, много ли в ней осталось. Почти на два деления. Для Диншавджи хватит. Можно предложить ему на выбор это или пиво «Золотой орел». В морозильнике стояло три больших бутылки.

---

⁴⁴ Здесь: сапат – традиционная обувь, используемая жрецами-зороастрийцами для входа в храм огня.

⁴⁵ Гантия – обжаренные во фритюре колечки или палочки из нутовой муки, популярная закуска.

⁴⁶ Очень бледный (*гуджарати*).

⁴⁷ Басмати – разновидность ароматного риса с мелкими длинными зернами.

Из кухни Дильнаваз были видны буфет и бутылка с ромом.

– Вот кто должен был бы быть здесь сегодня вместо твоего глупого Диншавджи, – сказала она, указывая на бутылку.

– Ты имеешь в виду Геркулеса? – Он хотел обратить неприятную тему в шутку. Чертов Билимория. Надо было показать ей его письмо, а не прятать его. Тогда она поняла бы, какой это бесстыжий негодай.

– Что за привычка всегда от всего отшучиваться! Ты прекрасно понимаешь, кого я имею в виду. – В дверь позвонили, громко и уверенно. – Ну вот, уже, – буркнула она и бросилась обратно к плите.

– Мы звали к семи, а сейчас семь. – Густад направился к двери. – Входи, Диншавджи, добро пожаловать! Сто лет проживешь – мы только что о тебе говорили. – Они обменялись рукопожатием. – Но ты один? А где же твоя жена?

– Неважно себя чувствует, *яар*⁴⁸, неважно себя чувствует. – По виду Диншавджи можно было сказать, что он чрезвычайно этим доволен.

– Надеюсь, ничего серьезного?

– Нет-нет, просто небольшая женская неприятность.

– А мы надеялись сегодня наконец познакомиться с Аламаи. Очень жаль. Нам будет ее не хватать.

Диншавджи наклонился вперед и прошептал, хихикая:

– Поверь: мне – ничуть. Приятно оторваться от домашнего стервятника.

Густаду всегда было интересно, насколько соответствовали истине обычные жалобы Диншавджи на свои семейные мучения. Он улыбнулся, стараясь не дышать, пока Диншавджи стоял, приблизив к нему лицо, но с облегчением отметил, что от вечно пораженных кариесом зубов друга исходил лишь слабый неприятный запах. Этот запах имел свой цикл, переходя от одуряющей вони к безобидному душку. В настоящий момент цикл шел по нисходящей. Разумеется, не было никакой гарантии, что в течение вечера он не обретет полную силу, если настроение гостя изменится. Случалось, Диншавджи приходил утром в банк со свежим дыханием, но оно портилось после какого-нибудь конфликта с надоедливym клиентом-жалобщиком. После такого инцидента, если мистер Мейдон, управляющий, взваливал вину на Диншавджи и отчитывал его, вонь тут же становилась невыносимой.

Не поддающийся лечению кариес Диншавджи успешно противостоял всем медикаментам, назначавшимся многочисленными врачами. Но безраздельно веривший в чудодейственные способности Мадхиваллы-Костоправа Густад уговаривал Диншавджи проконсультироваться у него. Проблемы ротовой полости, десен и зубов, в конце концов, тесно связаны с костями.

– Не бери в голову, *яар*. Главная моя костная проблема находится не во рту, а гораздо ниже, между ног. С моим домашним стервятником эта кость лишена тренировки. Увядает уже много лет. Твой Костоправ может это вылечить?

Все же в конце концов он сходил к Мадхивалле, заплатил за визит. Тот прописал ему смолистую секрецию какого-то дерева, которую Диншавджи должен был жевать трижды в день. Через неделю результат стал очевиден. Клиенты в банке больше не отшатывались от стойки в ожидании денег. Но однажды Диншавджи, с рвением жуя смолу, растянул лицевую мышцу. Боль была настолько жестокой, что ему пришлось на две недели ограничить себя жидкой пищей, а после того, как боль прошла, он отказался возобновлять «смоляное» лечение. Воспоминание о перенесенных мучениях пугало его куда больше кариесного рта. Так что его друзья и коллеги научились приспосабливаться к приливам и отливам дурного запаха, непредсказуемым, как колесо рулетки.

---

⁴⁸ Яар – неофициальное индийское обращение, обозначающее «друг».

Проблема дурного запаха больше не смущала самого Диншавджи, его заботило только неудобство, которое он создает для окружающих.

- А можно поинтересоваться, где твоя жена?
- Заканчивает приготовления на кухне.
- Ой-ой, значит, я рано пришел.
- Нет-нет, ты как раз вовремя, – заверил его Густада.

Когда вошла Дильнаваз, Диншавджи галантно поклонился. Крошечные капельки пота блестели на его склонившейся лысой макушке. Рисунок волосяного покрова на его голове ограничивался областью над ушами и на затылке. Длинные пучки волос колосились также в ушах и в темных широких пещерах его внушительных ноздрей, откуда беззастенчиво вырывались наружу, также желая быть замеченными в общей массе.

Протянув руку, он сказал:

- Для меня большая честь быть приглашенным к вам на ужин.

Дильнаваз одарила его в ответ самой неприметной из своих улыбок. Он снова повернулся к Густаду.

– Кажется, последний раз я был здесь семь или восемь лет назад. Когда ты лежал в постели после несчастного случая.

- Девять.

– Густада говорил мне, что вы болели. Как вы чувствуете себя сейчас? – вежливо осведомилась Дильнаваз.

– Абсолютно замечательно, все в порядке. Взгляните на мой яркий румянец. – Диншавджи ущипнул себя за восковые щеки, как щиплют ребенка. На тонкой коже надолго остались следы от пальцев.

- *Чаало!*⁴⁹ Пора выпить, – сказал Густада. – Что тебе налить, Диншавджи?

- Мне стакан холодной воды, *бас*⁵⁰.

- Нет-нет, я имею в виду настоящие напитки. Не спорь. Есть «Золотой орел» и ром.

- Ладно, раз ты настаиваешь, пусть будет «Золотой орел».

Пока Густада разливал пиво, Дильнаваз скрылась на кухне. Они уселись с бокалами в руках.

- Будем здоровы!

– Ах-х-х! – блаженно выдохнул Диншавджи, сделав большой глоток. – Как приятно. Гораздо приятней, чем навещать тебя лежащего в кровати со сломанной ногой. Помнишь, как я приходил к тебе каждое воскресенье? Чтобы докладывать бюллетень банковских событий и держать в курсе дел?

- Я всегда говорил, что тебе надо было стать репортером, а не банковским кассиром.

– Какие были деньки, *яар!* Как было здорово. – Диншавджи вытер пену в уголках губ. – Парсы тогда были королями банковского дела. Нас уважали. А теперь вся атмосфера испортилась. С тех самых пор, как Индира национализировала банки⁵¹.

Густада чокнулся с Диншавджи.

- Национализация нигде в мире не работает. Но разве идиотов убедишь?

– Поверь мне, – сказал Диншавджи, – она женщина хитрая и практичная, это тактика привлечения голосов. Чтобы показать бедным, что она на их стороне. От этих *саали*⁵² ничего хорошего не жди. Помнишь, когда ее папочка был премьер-министром и сделал ее президентом партии Индийского национального конгресса? Она тут же принялась поддерживать тре-

---

⁴⁹ Чаало – пойдём (*хинди*), форма слова «чал», означающего «ходить».

⁵⁰ Одно из значений слова «бас» на хинди – «довольно, достаточно, и все».

⁵¹ В 1969 году Индира Ганди и ее правительство национализировали 14 крупнейших банков Индии.

⁵² Буквальное значение слова «саали» – шурин (невестка); в просторечии, в определенном контексте используется как ругательное.

бования об отделении Махараштры⁵³. Сколько крови тогда пролилось, какие бесчинства она спровоцировала. А теперь у нас эта проклятая Шив Сена⁵⁴, которая желает превратить всех нас в граждан второго сорта. Не забывай, все это начала она, тем, что поддерживала негодяев-расистов.

Диншавджи промокнул лоб и разложил носовой платок на колене. Густад встал, чтобы включить потолочный вентилятор.

– Когда происходили те беспорядки, я лежал, обложенный Мадхивалловыми мешками с песком.

– Это точно, тебе не довелось увидеть тогдашние многочисленные шествия у фонтана «Флора»⁵⁵. Тогда там каждый день происходили стычки, и каждый день – то одна *морча*⁵⁶, то другая. – Он быстро глотнул пива. – Мы в банке думали, что нам конец, когда эти *гундас*⁵⁷ побили нам все окна и даже толстое стекло на главном входе. Накрылись наши премиальные, подумал я тогда. Они орали: «Парсы, вороноеды, мы вам покажем, кто тут хозяин!» И знаешь, что сделал Сыч из отдела бухгалтерского учета?

Сыч был вечно печальным, даже мрачным пожилым служащим по имени Ратанса. Прозвище пристало к нему после того, как некий молодой парень, работавший у них временно, на полставки, и которому нечего было терять, нагло спросил его, чего это он ходит, надувшись как сыч. С тех пор за глаза его называли Сычом или, проявляя вежливость, Ратансой-сычом.

– Догадайся, *яар*, что, по-твоему, он сделал?

– Сдался?

– Прежде всего Сыч велел всем не паниковать – это же, мол, всего лишь несколько *гундас*. Но когда ситуация стала накаляться, покрыл голову белым носовым платком и принялся читать молитвы *кушти*. Громко, как *дустурджи*⁵⁸ в храме огня. Потом его все время дразнили: говорили, что ему нужно переходить на постоянную работу в храм, там и денег намного больше заработаешь.

Диншавджи снова промокнул лоб и стал обмахиваться платком. Густад засмеялся и тоже вытер пот под воротником рубашки.

– Нет, *яар*, мы тогда в самом деле думали, что нам конец. Благослови Бог тех двух *патанов*⁵⁹, которые дежурили в своих *чоуки*⁶⁰ у входа в банк. А я-то всегда думал, что они стоят там для декорации в своих полицейских мундирах, тюрбанах и с блестящими винтовками.

– Солидные ребята, – сказал Густад. – А как шикарно они отдают честь, когда мимо проезжает какая-нибудь большая шишка!

– Да, но именно благодаря этим *патанам* с их винтовками все те *Сакарамы*, *Даттарамы* и *Тукарамы*⁶¹ просто стояли перед зданием и голосили, как торговки рыбой. Если они начинали приближаться, один из *патанов* решительно топал ногой, и они тут же давали задний ход.

⁵³ Штат в центральной части Индии.

⁵⁴ Индийская националистическая ультраправая политическая партия, основанная в 1966 году. Традиционно наибольшей поддержкой партия пользуется в Махараштре и Гоа; Бомбей/Мумбаи считается главным оплотом Шив Сены.

⁵⁵ Фонтан «Флора», воздвигнутый в 1869 году в честь римской богини цветов, – одна из достопримечательностей Индии, расположенная в южной части Бомбея/Мумбаи, на площади Хутатма Чоук – площади Мучеников, названной так в 1960 году в память о людях, которые отдали свои жизни в бурном рождении штата Махараштра. Теперь на площади установлена каменная статуя, изображающая двух патриотов Махараштры с факелом в руках.

⁵⁶ Морча – термин, используемый для обозначения мирного и демократического движения, сформированного для борьбы за конкретные задачи, а позднее также для массовых восстаний.

⁵⁷ Гундас – наемные головорезы.

⁵⁸ Дустур – зороастрийский священнослужитель высокого ранга.

⁵⁹ Патаны – граждане или жители Индии, имеющие этническое пуштунское происхождение.

⁶⁰ Чоуки – полицейское рабочее место, сторожка или полицейская будка (*хинди*).

⁶¹ Популярны имена среди индусов штата Махараштра – по аналогии с «Иванов, Петров, Сидоров», которые стали ироническим именем нарицательным, используемым парсами для обозначения происхождения кого-либо из этого штата.

Ногой двенадцатого размера в мальчиковой туфле фирмы «Батя» Диншавджи топнул так, что пивные бутылки задрожали на столе. Для мужчины невысокого роста ноги у него были огромные.

– Бум! – и все, вся эта маратхская свора разбежалась как тараканы. – Он медленно сделал большой глоток и поставил бокал. – Наше счастье, что, когда эти проклятые тараканы снова осмелели, уже прибыла полиция. Ну и денек был, *яар!*

Диншавджи снова вытер лоб, аккуратно сложил платок, убрал его в карман, довольствуясь теперь потолочным вентилятором, и спросил:

– Можно задать тебе вопрос?

– Разумеется.

– Зачем у тебя все окна закрыты затемненной бумагой?

– Помнишь войну с Китаем? – начал Густада, но продолжить ему не пришлось, потому что в этот момент двое мальчиков и Рошан вошли в комнату и почтительно поприветствовали Диншавджи:

– Здравствуйте, *сахиб-джи*⁶².

– Привет, привет, привет! – ответил гость, явно радуясь встрече с детьми. – Господи, как они выросли! *Артэ*⁶³, Рошан, когда я видел тебя в последний раз, ты была вот такусенькая, – вытянув руку, он показал расстояние между большим пальцем и мизинцем. – Трудно поверить. С днем рождения, именинница! И мои поздравления Сохрабу, гению ИТИ!

Проигнорировав поздравление, Сохраб глянул на отца.

– Ты уже на весь мир об этом раструбил?

– Веди себя прилично, – шепотом сказал Густада, стоя лицом к буфету и открывая новую бутылку пива. Голос его, конечно, был отчетливо слышен, но, отвернувшись, можно было сделать вид, что это не так.

Сохраб не сдавался.

– Ты хвастаешь перед всеми этим ИТИ так, будто сам собираешься там учиться. А меня это не интересует, я тебе уже сказал.

– Кончай эти идиотские разговоры. Бог знает, что с тобой случилось в последние дни.

Диншавджи, почувствовав, что надо сменить тему, попытался это сделать.

– Густада, по-моему, твой Дариуш меня дурачит – говорит, что может сделать пятьдесят отжиманий и пятьдесят приседаний.

Рошан тоже внесла свою лепту:

– Папа, спой песенку про девочку-ослика! В честь моего дня рождения, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Сохраб перебил ее:

– Если никто не претендует, я выпью рома.

Густада после неловкой паузы ответил:

– Ты уверен? Раньше тебе ром никогда не нравился.

– Ну и что?

Густада тяжело вздохнул, сокрушенно развел руками и обернулся к Диншавджи и Дариушу.

– Это правда, пятьдесят отжиманий и пятьдесят приседаний каждое утро. И он наращивает нагрузку, пока не дойдет до сотни – как я.

– Сотни?! – Диншавджи театрально откинулся на спинку стула.

– Папа, песенку про девочку-ослика, – напомнила Рошан.

---

⁶² Сахиб – господин.

⁶³ Артэ – надо же (*хинди*).

– Позже, позже, – сказал ей Густада и снова обратился к гостю: – Не сомневайся: до того несчастного случая я делал сто отжиманий и сто приседаний каждое утро, как научил меня мой дед, когда я был еще мальчиком.

Дед Густада, мебельщик, был крепким мужчиной, ростом за шесть футов, с невероятной силой в руках и мощными плечами. Отчасти эту его силу унаследовал внук. Обсуждая воспитание и будущее Густада со своим сыном, дед часто говорил: «Ты со своими книгами и книжным магазином развиваешь его ум. Я в это не вмешиваюсь. Но я позабочусь о его теле». По утрам, когда маленький Густада сонно тер глаза, не желая выполнять никаких упражнений, дедушка воодушевлял его рассказами о достижениях борцов и силачей, делавших по тысяче отжиманий каждое утро: о Рустоме Пахельване, который, лежа на спине, мог выдержать вес переезжавшего его грузовика, или Джоравере Джае, который мог держать на спине платформу с симфоническим оркестром на протяжении исполнения всей Пятой симфонии Бетховена. Время от времени дедушка водил его на борцовские матчи, чтобы он мог своими глазами увидеть таких титанов, как Дара Сингх, Грозный Турк, Кинг-Конг, Сын Конга и Мародер в маске.

Бабушка Густада, тоже горячая поклонница борьбы, ходила вместе с ними. Она была экспертом не только по части кур и мясников, но и потогонных видов спорта. Зная героев ринга так же хорошо, как специи в своей кухне, она без труда разбиралась во всевозможных захватах и бросках, выполнявшихся борцами: знала бросок прогибом с захватом руки двумя руками, обхват туловища ногами, «мельницу», многое другое, предугадывала падения, рывки и подсечки лучше, чем Густада с дедушкой, и очень часто выигрывала у них пари на победителя.

Если дедушка был сильным мужчиной, то бабушка была по-своему сильной женщиной. Без ее познаний в области борьбы, говорила она Густаду со смехом, не было бы и семьи Ноблов такой, какая она есть. Потому что дедушка, робкий и неуверенный в определенных делах, какими зачастую бывают мужчины его габаритов и силы, никак не решался задать ей важнейший вопрос. Пока однажды, когда он по обыкновению завязывался узлами, заикался и что-то бормотал, она не решила взять инициативу в свои руки: молниеносным полунельсоном она поставила его на колени, чтобы он сделал ей наконец предложение.

Дедушка эту историю отрицал, но она смеялась и говорила: то, что началось как робкое и осторожное ухаживание, закончилось как волнующий борцовский поединок.

– Да, сэр, – повторил Густада, – сто отжиманий и приседаний каждое утро. Самое лучшее упражнение. Я сказал Дариушу: руку даю на отсечение, что твои бицепсы будут прибавлять один дюйм каждые полгода. Такую же гарантию я могу дать и тебе, Диншавджи.

– О, нет-нет, благодарю. В моем возрасте только один мускул должен быть сильным. – Дариуш понимающе засмеялся, а Диншавджи укоризненно сказал: – Ах ты проказник! Я имел в виду мой мозг! – Протянув руку, он, как бы с опаской, потрогал правый бицепс Дариуша. – О господи! Какой твердый! Ну-ка, ну-ка покажи.

Дариуш скромно качнул головой и подтянул короткий рукав до самого плеча.

– Давай, давай, не робей, – подбодрил его Густада. – Хочешь, я сначала покажу свой?

Он закатал рукав и, согнув руку, застыл в классической позе: кулак ко лбу.

Диншавджи зааплодировал.

– Ну, ни дать ни взять ствол мангового дерева! Браво, браво! Теперь твоя очередь, мистер культурист. Давай-давай!

Дариуш изображал скуку от всей этой суеты вокруг бицепсов, но втайне был чрезвычайно доволен. Культуризм являлся его последним увлечением, притом пока единственным успешным. До этого очарованность живыми существами неоднократно приводила его в зоомагазин на рынке Кроуфорд. Начал он с рыбок. Но однажды вечером, всего через две недели после того, как они появились в доме, все его гуппи, черные моллинезии, морские ангелы, неоновые тетры и целующиеся гурами сдохли, как будто кто-то наложил на них заклятье, в результате

которого они, извиваясь, стали выпрыгивать из воды и биться изнутри о стекло аквариума – вроде хвоста той ящерицы, которая сидела на столе у мисс Кутпити.

В течение следующих четырех лет за рыбками следовали зяблики, воробьи, белка, попугайчики-неразлучники и непальский попугай; всех их поражали разные болезни – от простуды до загадочных наростов в зобу, из-за которых они не могли есть и умирали от голода. При каждой утрате Дариуш горько рыдал и хоронил своих скончавшихся друзей во дворе под папиным розовым кустом. Много часов он провел в размышлениях о том, разумно ли привязываться к живым существам, раз все они неизбежно умирают. Было что-то заведомо неблагодарное в таких взаимоотношениях, недостаток хорошего вкуса у того – кто бы это ни был, – кто нес ответственность за такой напрасный, расточительный конец: красивые, яркие существа, полные жизни и радости, покоились во дворе под унылой землей. Какой в этом смысл?

Раз за разом внешний мир оказывался к нему безжалостным. И он решил: глупо и дальше вкладывать время и силы в этот мир, обращу все внимание на себя. Собственное физическое развитие стало его увлечением. Однако вскоре после того, как он начал делать упражнения, тяжелая пневмония приковала его к постели. Мисс Кутпитья сообщила Дильнаваз, что она не удивлена. Невинные рыбки и птички, которых он не уберег, без сомнения, прокляли его с последним вздохом, и вот – результат налицо.

Она учила Дильнаваз, как умиротворить эти крохотные существа, чтобы их дух успокоился. Дильнаваз добродушно слушала, в одно ухо впуская, из другого выпуская ее наставления, пока однажды сама мисс Кутпитья не явилась совершенно неожиданно, со всеми необходимыми ингредиентами, чтобы провести обряд умиротворения. Больному предписывалось вдыхать дым от трав, которые она сжигала на раскаленных углях.

То ли рыбки и птички решили простить Дариуша, то ли лекарства доктора Пеймастера победили болезнь – неизвестно. Но Дариуш возобновил программу своих упражнений и был щедро вознагражден ростом мускулов, к вящей радости его отца и его собственному облегчению от сознания того, что наконец-то он в чем-то преуспел.

– Ну, ну, давай! Покажи! – продолжал упорствовать Диншавджи.

– Смелее! – поддержал его Густада, и Дариуш продемонстрировал свои бицепсы.

Диншавджи изобразил изумление и отпрянул как бы в страхе, прикрыв грудь руками.

– Ого! Вы только посмотрите на эту силищу! Держись от него подальше, папочка. Если по ошибке удар достанется мне, я буду полностью разбит и раздавлен.

– Папа, ну пожалуйста! – взмолилась Рошан. – Песенку про девочку-ослика!

На сей раз Диншавджи присоединился к просьбе. Красивый баритон Густада был ему хорошо знаком. Иногда они с друзьями устраивали песенные посиделки в банковской столовой во время обеденного перерыва.

– Ладно, – согласился Густада. – Настало время для «Ослиной серенады». Давайте споем.

Он прочистил горло, сделал глубокий вдох и начал:

Песня звонко по округе разливается опять,
Но прекрасной сеньорите на нее, видать, плевать.
Коли так, пожалуй, надо
Для ослицы серенаду
Перепеть средь бела дня.
Только вот боюсь я, грешный,
Не сочтут ли сумасшедшим
В этом случае меня...

Когда он дошел до куплета, начинавшегося с «Амиго мио, не прекрасен ли ослицы этой крик?», все присоединились к нему и пели вместе с ним, пока он не заголосил: «Иа-иа-иаааа»,

где последнюю ноту надо было тянуть так долго, что никому, кроме него, не хватило дыхания. Рошан расхохоталась, а Густад, уже один, закончил: «Ты – мояая единственнаяаяя! Олэ!»

– Еще! Еще! – просил Диншавджи. Все захлопали, включая Дильнаваз, которая незаметно вошла и встала возле буфета послушать. Она любила, когда Густад пел. Улыбнувшись ему, она вернулась в кухню.

Диншавджи обратился к Рошан:

– А теперь – снова время для мускулов. Как сегодня *твои* мускулы? Давай-ка посмотрим.

Девочка подняла и согнула руку, подражая отцу и Дариушу, а потом, шутя, ткнула Диншавджи в плечо.

– Ох, осторожней! Осторожней! – застонал тот. – Так недолго и дух испустить. – Протянув руку, как будто хотел пощупать ее мускулы, он принялся ее щекотать. – О-хо-хо! Вот это мускулы! Тили-тили-тили! А вот еще один мускул. И еще один. Тили-тили-тили!

Рошан едва дышала от смеха, катаясь по дивану.

Дильнаваз, вышедшая из кухни, укоризненно посмотрела на Диншавджи и объявила, что ужин на столе.

II

Курицу благополучно разделили на одиннадцать кусков. Отсутствие мисс Кутпیتی и жены Диншавджи можно считать удачей, решила Дильнаваз. Даже если Диншавджи сразу возьмет два куска, что-то останется на блюде к концу ужина. Вежливым жестом она предложила ему угощаться.

– Сначала дамы! Сначала дамы! – сказал Диншавджи, и Дариуш эхом повторил это за ним. – Проказник! – притворно пожурил его Диншавджи, хитро подмигнув. – Притормози с пивом, оно быстро ударяет в голову! – Между мужчинами было полное взаимопонимание, и Густада это радовало. Он посмотрел на Сохраба. Такой своенравный мальчик – был бы он хоть немного более дружелюбным, как Дариуш.

Коричневый соус, в котором плавала курица, был, как и предсказывал Густада, бесподобен.

– Аромат такой чудесный, что может и мертвеца на Башне Безмолвия заставить подняться с одра, чтобы насладиться им, – похвалил Диншавджи, но Дильнаваз посмотрела на него неприязненно. Неужели у этого человека нет никакого понятия о приличиях – разве за столом, тем более в день рождения, такое говорят?

Кроме курицы она подала овощное рагу из моркови, бобов, картофеля и ямса, щедро приправленное кориандром, тмином, имбирем, чесноком, куркумой и целыми зелеными перчиками чили, а также рис с зубчиками чеснока и коричневыми палочками: этот ароматный рис Дильнаваз ради особого случая достала у подпольного торговца, выменяв дневную порцию пузатого безвкусного риса, полученного в пайке, на четыре чашки тонкого продолговатого восхитительного *басмати*.

Начали с рагу. По негласному уговору всех присутствовавших курица должна была стать кульминацией застолья.

– Видишь эту курицу, которая терпеливо нас дожидается? – обратился к гостю Густада. – Еще сегодня утром она была отнюдь не так терпелива. Такой переполох тут устроила! Вырвалась из кухни во двор, и *гоасвалла*⁶⁴...

– Ты хочешь сказать, что принес ее с рынка живой?

– Конечно. Это же дает совсем другой вкус, если нарезать ее и приготовить...

– Пожалуйста, не мог бы ты рассказать об этом Диншавджи потом, после еды? – резко прервала его Дильнаваз. Мужчины с удивлением подняли головы и окинули стол взглядом. Настроение Дильнаваз молча отражалось на трех юных лицах.

– Прости, прости, – сказал Густада. Они с Диншавджи снова с удовольствием набросились на рагу, но остальные лишь ковыряли еду в тарелках. Лицо Рошан приобрело зеленоватый оттенок. Густада понял, какую серьезную оплошность совершил: надо было срочно что-то делать, чтобы вернуть сотрапезникам аппетит.

– Послушайте! Послушайте! – воскликнул он. – Мы же еще не спели «С днем рождения» для Рошан.

Мгновенно поняв намек, Диншавджи воскликнул:

– *Аррэ*⁶⁵, совершенно непозволительно откладывать «С днем рождения» дальше. Давайте, давайте! Прямо сейчас! – Он хлопнул в ладоши.

– Но еда же остынет, – забеспокоилась Дильнаваз.

– Да это займет всего одну минуту, – сказал Густада. – Готовы? Раз, два, три.

---

⁶⁴ Гоасвалла – мясник (*хинди*).

⁶⁵ Эй (*хинди*).

Он взмахнул рукой и запел: «С днем рожденья, Рошан». При упоминании своего имени Рошан заулыбалась от удовольствия, а Диншавджи, застав ее врасплох, протянул руку и снова пощекотал. От хохота девочка чуть не свалилась со стула.

После этого Густада поднял свой бокал:

– Да благословит тебя Бог, Рошан. Долгих, долгих тебе лет в добром здравии. Желаю тебе многое узнать, многое пережить и многое увидеть.

– Присоединяемся! – сказал Диншавджи, и все отпили из своих бокалов. В бокале у Рошан был малиновый сок, Дильнаваз пила только воду, но по такому случаю сделала глоток из стакана Дариуша.

– За твою удачу, – сказала она, зажмурившись и слегка вздрогнув от горечи, разлившейся в горле, потом с легким удивлением обвела всех сияющим взглядом.

– Внимание, внимание! – сказал Диншавджи. – Сколько в Рошан...

Дариуш тут же отреагировал:

– Сто двадцать фунтов.

– Вот шалун! – добродушно пожурил его Диншавджи и продолжил: – Сколько в Рошан достоинств! Выпьем за нее. Пусть все поднимут бокалы. – Он прочистил горло, приложил правую руку к сердцу и, не смущаясь трудностями с произношением звука «ж», продекламировал, обращаясь к Рошан:

Шелаю здоровья и денег побольше,

В общем, счастья шелаю, в шалаше и не только.

Снова раздались аплодисменты, все отпили из бокалов.

– Bravo! – сказал Дариуш. – Bravo!

И тут квартира погрузилась в темноту.

Несколько секунд царило то удивленное безмолвие с легкой примесью страха, от которого в таких случаях на миг перехватывает дыхание. Однако почти сразу снова слышалось обычное равномерное дыхание, и Густада сказал:

– Все сидите тут. Сейчас я достану фонарь из письменного стола и проверю, в чем дело.

Он включил фонарь, но свет оказался тусклым. Густада постучал вторым концом по столу – луч стал ярче.

– Проводи меня в кухню, – попросила Густада Дильнаваз. – Со свечами и керосиновой лампой мы, по крайней мере, сможем закончить ужин.

Пока она искала свечи и лампу, Густада подошел к окну и разглядел во дворе фигуру, чья походка узнавалась безошибочно, – Темул.

– Темул, сюда! Первый этаж.

– ГустадаГустадаГустадавсетеменно.

– Да, Темул. Темно во всем доме?

– Дадавесьдомтемновсеменно. Фонаринадорогетемно. ВездеменноГустада. Темнотемно-темнотемно.

Диншавджи тоже подошел к окну, стараясь вникнуть в смысл диалога.

– Хорошо, Темул, – сказал Густада. – Будь осторожен, не упали.

Дильнаваз зажгла керосиновую лампу, света которой не доставало, чтобы осветить всю комнату, но стол выглядел очень уютно и заманчиво.

– Через эту черную бумагу даже свет от луны и звезд не проникает внутрь, – сказала она, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Что это было – человеческий голос или «Декан экспресс»⁶⁶? – поинтересовался Диншавджи. – Ты хоть что-нибудь понял?

Густада рассмеялся.

– Это наш единственный и неповторимый Хромой Темул. Чтобы его понимать, нужна практика. Во всяком случае, проверять предохранитель не нужно: свет вырубился по всей округе, остается только ждать.

– Не надо ждать, – подхватил Диншавджи, – а то можно опоздать, в тарелку нечего будет набрать.

– Стихотворение за стихотворением! Ты сегодня в отличной форме, Диншавджи, – сказал Густада. – Отныне мы будем величать тебя Поэтом-лауреатом⁶⁷.

– Лауреат-Болтун – ничто, я – сын Матери Индии. Зовите меня Диншав Высокочтимый, индийский Теннисон! – Он выхватил у Густада фонарь и подставил его себе под подбородок, от чего его желтушное лицо приобрело зловещий вид. Ссутулив плечи, он начал обходить стол словно призрак, загробным голосом декламируя из-под своей жутковатой «посмертной маски»:

Справа нежить, слева нежить,
Нежить прет со всех сторон.
Крови вашей жаждет нежить,
Лезет изо всех окон.

Все развеселились и захлопали в ладоши, кроме Дильнаваз, которая была почти в отчаянии из-за того, что еда стынет. Диншавджи отвесил театральный поклон и вернул фонарь Густаду. Раскрасневшись от успеха и вдохновения, он снова продекламировал:

– Хотя темна эта ночь, страх гоните вы прочь, пировать будем в свете свечей! – И добавил: – Или керосиновой лампы.

– Совершенно верно, – сказал Густада. – Но – при свете или без него – я хочу произнести еще один тост. За Сохраба, моего сына, моего старшего. Удачи тебе, крепкого здоровья и огромных успехов в ИТИ. Учись так, чтобы мы все гордились тобой.

– Ура, ура! – закричал Диншавджи и пропел: – «Он славный веселый малый, он славный веселый малый, он славный веселый малый, и с этим согласны все»!⁶⁸

Все подхватили песенку и пели все громче и громче, так что никто не услышал, как Сохраб сказал: «Хватит», – пока он не закричал, перекрывая их хор: «Да прекратите же вы!»

Пение резко оборвалось. Все с застывшими лицами посмотрели на Сохраба. Тот сидел, сердито уставившись в тарелку. Свечи отбрасывали неверный свет, дрожавший и рыскавший от дыхания сидевших за столом.

– Еда совсем остыла, – нерешительно произнесла Дильнаваз, хотя это было последним, что волновало ее в тот момент.

– Да, давайте есть, – поддержал ее Густада, – но, – он повернулся к Сохрабу, – что все же вдруг случилось?

– Вовсе не вдруг. Меня уже тошнит от этого постоянного: ИТИ, ИТИ, ИТИ. Меня ИТИ не интересует, я не «славный малый» и не собираюсь там учиться.

Густада вздохнул.

---

⁶⁶ «Декан экспресс» – поезд, который отправляется ежедневно в 3 ч 15 мин и курсирует между городами Пуна (расположенном на плато Декан) и Бомбеем/Мумбаи.

⁶⁷ Поэт-лауреат в Великобритании – звание придворного поэта, утверждаемое с 1616 года монархом, а в настоящее время по рекомендации премьер-министра; традиционно поэт-лауреат обязан откликаться памятными стихами на события в жизни королевской семьи и государства.

⁶⁸ Популярная приветственная песенка: «For he's a jolly good fellow which nobody can deny».

– Говорил же тебе не пить рома. Это он на тебя так подействовал.

Сохраб посмотрел на него с презрением.

– Можешь обманывать себя сколько хочешь. Я все равно не поеду учиться в ИТИ.

– Такие безумные речи от такого умного мальчика. Вот скажи мне: как такое возможно? – спросил Густада, повернувшись к Диншавджи. – Почему? После того как столько сил положено на учебу! – Дильнаваз машинально переставляла посуду на столе, бралась за сервировочные ложки и тут же опускала их, но уютное позвякивание посуды и столовых приборов было бес- сильно восстановить мир за столом. Густада жестом велел ей не суетиться. – Нет, вы скажите – почему? Молчание ничему не поможет. – Не столько сердитый, сколько обескураженный, он сделал паузу, потом продолжил: – Ладно, я понимаю ваше молчание. Это праздничный ужин, неподходящее место для дискуссии. Поговорим завтра.

– Почему ты не можешь просто принять это? – не унимался Сохраб. – Меня не интересует учеба в ИТИ. Это была не моя идея, планы за меня всегда строил ты. А ведь я тебе говорил, что собираюсь перейти на факультет искусств, мне нравится мой колледж, и там все мои друзья.

Густада больше не мог сдерживать себя.

– Друзья? Друзья?! Не говори мне о друзьях! Если у тебя есть разумные доводы, я готов их выслушать. Но не надо говорить о друзьях! Должно быть, ты слеп, если не хочешь учиться на моем горьком опыте. – Замолчав, он погладил Рошан по волосам, как будто хотел ее утешить. – Вспомни, что случилось с нашим большим другом Джимми Билиморией! С нашим «дядей майором»! Где теперь он, приходивший сюда постоянно? Евший и пивший с нами. Человек, к которому я относился как к брату. Уехал! Исчез! Не сказав нам ни единого слова. Вот тебе и дружба. Она бесполезна и бессмысленна! – Диншавджи неловко заерзал, и Густада грубовато добавил: – Разумеется, я не имею в виду присутствующих. Ну, давайте есть, рагу очень вкусное. А потом – курица. Угощайся, Диншавджи. Угощайся, Рошан.

– Сначала – господа! На сей раз сначала – господа! – пошутил Диншавджи, стараясь развеять напряженность. – Будем играть по-честному, милые дамы. – Но никто не засмеялся, даже Дариуш. Остальную часть вечера за столом большей частью царила тишина.

Диншавджи досталась грудная косточка, и он предложил кому-нибудь разломить ее с ним на удачу, но желающих не нашлось. Смущенный Густада ухватился согнутым мизинцем за один конец, Диншавджи – за другой, они тянули и крутили перепачканную соусом косточку до тех пор, пока она не сломалась. Густаду достался более короткий конец.

Глава четвертая

I

Единственный гость отбыл, и Густада запер дверь на ночь. Из одиннадцати кусков курицы шесть осталось на блюде.

– Ну, доволен? – обратился к сыну Густада. – Испортил сестре день рождения. Никому даже есть не захотелось.

– Ты притащил живую курицу в дом и убил ее здесь, нам было тошно даже смотреть на нее, – огрызнулся Сохраб. – Так что нечего винить меня за свою глупость.

– Глупость? *Бай-шарам!*⁶⁹ Не забывай: ты разговариваешь с отцом!

– Никаких ссор в день рождения, – вставила Дильнаваз, одновременно и уговаривая, и предупреждая. – В нашем доме это строгое правило.

– Я знаю, что разговариваю с отцом, но мой отец не желает слышать правду, которую ему говорят.

– Правду? Сначала пострадай с наше, а потом уж говори о правде! За мою учебу в колледже никогда никто не платил, я сам зарабатывал на нее. А занимался по ночам, при керосиновой лампе вроде этой, и фитилек делал совсем низким, чтобы экономить...

– Ты рассказывал эту историю уже сто раз, – перебил его Сохраб.

– Рошан! – У Густада тряслись руки. – Неси ремень! Тот, широкий, из коричневой кожи! Я научу твоего брата уважать родителей! Он думает, что уже взрослый! Я выбью из него эту спесь *chaamray-chaamra*⁷⁰. Отхожу ремнем так, что живого места не останется!

Рошан, с расширившимися от страха глазами, даже не пошевелилась. Дильнаваз подошла и встала рядом с ней. Когда мальчики были маленькими, она часто боялась, что Густада, с его необузданной силой, может причинить им серьезные увечья, наказывая, как положено отцу, хотя после такой воспитательной процедуры он всегда мучился угрызениями совести. Она надеялась, что Сохраб смолчит и угроза наказания сойдет на нет.

Однако тот не отступал.

– Давай, Рошан, носи ремень, – выкрикнул он. – Я не боюсь ни его, ни чего бы то ни было другого.

Видя, что Рошан не двигается, Густада отправился сам и вернулся, громко топая, с перекинутым через плечо орудием возмездия, которое заставляло мальчиков дрожать от страха, когда они были маленькими.

– Ну, говори теперь то, что ты хотел сказать! Послушаем твои *ченчи*⁷¹, если у тебя еще осталась храбрость!

– Я уже все сказал. Если ты не слышал, могу повторить.

Густада замахнулся, и ремень со свистом рассек воздух. Дильнаваз бросилась между ними, как она это делала, когда мальчики были маленькими. Воловья кожа стегнула ее по щиколотке, и она вскрикнула. На ноге начал вспухать красный рубец.

– Отойди! – рывкнул Густада. – Предупреждаю тебя! Сегодня мне все равно, что случится! Я разорву твоего сына на куски, я...

Рошан начала громко рыдать.

– Мама! Папа! Не надо!

---

⁶⁹ Бай-шарам – здесь: нахал! (*урду*)

⁷⁰ Шкуру спущу! (*урду*)

⁷¹ Ченчи – бредни (*хинди*).

Густада несколько раз пытался достать до Сохраба, но Дильнаваз своими маневрами мешала ему.

Сквозь рыдания Рошан еще раз взмолилась:

– Пожалуйста! Ради моего дня рождения, перестаньте!

Ремень продолжал свистеть в воздухе, однако приземлялся далеко не так эффективно, как в первый раз. Тот удар, пришедшийся по ошибочной мишени, значительно охладил ярость Густада и убавил меткость его руки.

– Трус! Кончай прятаться за матерью!

Не успели Сохраб и Дильнаваз что-нибудь ответить, как раздался пронзительный вопль:

– Ну хватит уже! Люди спят, не время для ссор! Доссоритесь утром!

Голос принадлежал мисс Кутпитье. Та же высота тона и те же модуляции, с которыми она по утрам отчитывала молочника. Густада, рассвирепев, бросился к окну.

– Подойдите к моей двери и скажите здесь, если вам есть что сказать! Я не бесплатно тут живу, я тоже плачу за жилье! – Он повернулся к Дильнаваз. – Видишь, как ведет себя твоя подруга? *Saali*⁷², ведьма!

– Но она права, – решительно возразила Дильнаваз. – Такой шум и крики посреди ночи неуместны.

– Прекрасно! Давай, вставай на ее сторону, против собственного мужа. Всегда только против меня.

Уязвленный до глубины души, он замолчал. Снаружи снова воцарилась тишина. Однако он не отходил от окна, демонстративно ожидая новых выпадов мисс Кутпитьи.

Воспользовавшись моментом, Дильнаваз увела Сохраба, Дариуша и Рошан и велела им ложиться спать. Когда Густада остался один, его гнев начал понемногу остывать. Посмотрев на ремень, стиснутый в руке, он отшвырнул его в угол, потом задул свечи на обеденном столе. Для него в комнате было слишком светло. Уменьшив пламя керосиновой лампы, он вернулся к окну. Черная каменная стена была едва различима на фоне чернильной ночной темноты.

Вернулась Дильнаваз.

– Они все легли, ждут, чтобы ты пришел, пожелал им спокойной ночи и благословил. – Он не отвечал. Она попыталась еще раз: – Я подошла к Сохрабу, и вот, смотри. – Протянув руку, она показала мокрый рукав. – Его слезы. Пойди к нему.

Густада покачал головой.

– Это пусть *он* ко мне придет. Когда научится уважать отца. А до тех пор он мне не сын. Мой сын умер.

– Не говори так!

– Я говорю то, что должно быть сказано. Отныне он для меня – никто.

– Нет! Перестань!

Она погладила вздувшуюся щиколотку, и он это увидел.

– Семнадцать лет я твержу тебе, чтобы ты не вставала между нами, когда я разбираюсь с детьми.

– Ему уже девятнадцать, он больше не ребенок.

– Девятнадцать или двадцать девять – он не имеет права так со мной разговаривать. И из-за чего? Мне что, гордиться этим?

Растерянность, таившаяся за его гневом, казалась трогательной, и Дильнаваз хотелось утешить его, помочь ему понять. Но она и сама не понимала. Ласково тронув его за плечо, она сказала:

– Мы должны проявлять терпение.

---

⁷² Чертовка (*урду*).

– А что мы делали все эти годы, если не проявляли терпение? И вот чем все кончилось. Горе, ничего кроме горя. Вот так, безо всякой причины, отказаться от своего будущего! Скажи, чего я для него не сделал? Я даже под машину бросился ради него. Его оттолкнул, спас ему жизнь, а сам навсегда остался покалеченным!

Она снова погладила его по плечу и пошла к столу.

– Унесу все это на кухню, а потом давай ляжем спать.

И она принялась собирать грязные тарелки и бокалы.

II

Еще долго, после того, как Дильнаваз убрала посуду, смела со стола крошки влажной тряпкой и отправилась в постель, Густада сидел в тусклом свете керосиновой лампы, испытывая к ней своего рода благодарность: при ее бледном свечении было не так видно, что он все еще зол.

Пребывая в отчаянии, он смешал все, что оставалось в бутылках: Билимориев ром, лимонад, «Золотого орла» и содовую. Попробовал, скривился, но все равно выпил полстакана, после чего направился к дедовскому черному столу. В нем имелось два расположенных в ряд по горизонтали выдвижных ящика. Тот, что справа, был поменьше, под ним находился шкафчик. Густада потянул дверцу, она всегда была тугой, а руки у него чуть дрожали. Дверца раскрылась с тихим стоном дерева, трущегося о дерево.

Запах старых книг и переплетов, учености и мудрости выплыл наружу. На верхней полке, в глубине лежали «Словарь фраз и басен» Кобэма Брюера и двухтомный «Словарь сленга, жаргона и аргю» Баррера и Леланда 1897 года издания. Как и мебель, Густада спас эти книги из обанкротившегося отцовского книжного магазина. Он достал словарь Брюера, открыл его наугад, поднес к лицу и закрыл глаза. От бесценных страниц исходил богатый, неподвластный времени запах, умиротворявший его смущенный, тревожный дух. Закрыв книгу, он нежно погладил ее корешок тыльной стороной пальцев и вернул на место.

Несколько работ Бертрана Рассела, книга под названием «Математика для миллионов» и «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита стояли на этой полке вертикально. Они остались у него со времен учебы в колледже и были единственными, какие ему удалось сохранить. Они с Малколмом-музыкантом, бывало, шутили, что он осваивает программу колледжа в соответствии с планом «Купи учебник в этом году, продай в следующем». Как замечательно все это смотрелось бы на полке, которую они с Сохрабом собирались соорудить! Теперь уже не соорудят. «Сын для меня больше не существует», – подумал он.

Переднюю часть шкафчика занимали лежавшие плашмя «Краткий словарь» Уэбстера и карманное издание Роже⁷³, беспорядочно заваленные всякой всячиной: конвертами с загнутыми уголками, пластмассовыми коробочками со скрепками и круглыми резинками, двумя роликами скотча (использованными один наполовину, другой на три четверти), бутылочкой темно-синих чернил «Кэмел» (использовавшихся исключительно для надписывания поздравительных открыток и белых подарочных свадебных конвертов: приветствие, пожелание долгой счастливой жизни и в нижнем левом углу – вложенная сумма). Что было написано на других бумажках, валявших на полке, разобрать было уже невозможно. Детали разломанных ручек, колпачок с аппликатором от бутылочки клея, перочинный нож без лезвия, маленькие ручные тиски – все это лежало, оплетенное бечевками и аптечными резинками.

Нижняя полка была полностью предоставлена пластиковым папкам, скоросшивателям и старым журналам. Он аккуратно приподнял стопку газет, испещренных пожелтевшими печатными столбцами, и пошарил под ней в поисках письма. Нашупал его, зажал между пальцев и вернул стопку на место. Коробка с допотопными ржавыми перьями «доавторучковой» эпохи соскользнула с нее, перья зашуршали, стучаясь друг о друга и о картонные стенки, и тут же смолкли, как маракас, звук которого возникает и замирает в один миг.

Он поднес письмо к свету. С тех пор как получил, он тайно прочел его несколько раз. Адрес на конверте был напечатан на машинке. В качестве обратного адреса значился почтовый ящик в Нью-Дели, имя отправителя отсутствовало. В первый раз это вызвало у него нервное

⁷³ Питер Марк Роже (1779–1869) – британский врач, энциклопедист, лексикограф, физико-теолог, изобретатель.

любопытство: он никого не знал в Нью-Дели. Внутри конверта лежал один листок бумаги превосходного качества, плотной и волокнистой. Он в очередной раз перечел письмо.

Дорогой мой Густада,

это письмо наверняка будет для тебя большим сюрпризом. Спусти столько времени ты, должно быть, махнул на меня рукой, особенно учитывая то, как я покинул Холадад-билдинг.

Я знаю, что ты очень сердился на меня за это. Я не мастер писать письма, но пожалуйста, прими мои искренние извинения и поверь: у меня не было другого выхода. Я мог бы придумать оправдание, но это была бы ложь, а лгать тебе я не хочу. Я по-прежнему не волен рассказать тебе подробности, могу только сообщить, что это касается государственной безопасности. Ты ведь знаешь, что, уйдя в отставку из армии, я работал на правительство.

Когда возникла необходимость сделать в Бомбее кое-что, связанное с моей миссией, я сразу подумал о тебе, поскольку так, как тебе, никому не могу доверять. Для меня очень много значат твоя дружба и дружба твоей дорогой жены Дильнаваз, твоих замечательных сыновей и твоей прелестной маленькой Рошан. Излишне говорить, что все вы были и остаетесь практически моей семьей.

То, что мне требуется, выполнить нетрудно. Я просто прошу тебя получить от моего имени пакет. Если ты откажешься оказать мне эту услугу, я пойму. Но мне придется обратиться к менее надежным людям. Пожалуйста, дай мне знать о своем решении. И прошу тебя: не обижайся, что в обратном адресе указан только номер почтового ящика, мой личный адрес запрещено разглашать в силу конфиденциальности моей работы.

Еще раз прошу у тебя прощения. Когда-нибудь, когда наша семья (если ты позволишь мне себя к ней причислить) соберется вместе вновь, я тебе все расскажу.

Твой любящий друг,

Джимми.

Густада потер бумагу между большим и указательным пальцами и подумал: «Какая роскошная, в сравнение не идет с тонкими листками на моем рабочем столе!» Джимми всегда был небеден и очень щедр. Постоянно покупал подарки для его детей. Бадминтонные ракетки, биты и калитки для крикета, стол для пинг-понга, гантели. И никогда не дарил подарки сам, всегда передавал мне, приговаривая: они же твои дети, так что у тебя первое право на их благодарность и радость. Но когда бы Джимми ни появился, Рошан, Дариуш и Сохраб бросали все свои дела, чтобы пообщаться с ним. Он был их героем, даже для Сохраба, весьма разборчивого в этом отношении. Стоит только поглядеть, как он задирает нос перед Диншавджи.

Густада притушил фитилек керосиновой лампы и откинулся на спинку кресла. Свет, теперь совсем тусклый, придавал комнате фантастический вид. «О, великий отец Ормузд, что это за шутка такая? Когда я был юн, Ты вложил в меня стремление учиться, двигаться вперед, преуспевать. Потом Ты отнял деньги у моего отца и послал меня гнить в банке. А теперь вот мой сын. Ты позволил мне все устроить, сделать достижимым, а потом лишил его желания учиться в ИТИ. Что Ты хочешь мне этим сказать? Или я стал слишком глух, чтобы Тебя услышать?»

Он снова поднял стакан. А эта смесь рома с пивом не такая уж отвратительная, решил он и глотнул еще. «Сколько лет я наблюдал за Сохрабом и ждал. Но теперь мне хочется ока-

заться в исходной точке и не знать, чем все закончится. Тогда, в начале, была, по крайней мере, надежда. Теперь не осталось ничего. Ничего, кроме печали.

Какая жизнь могла ждать Сохраба впереди? С этой фашистской политикой Шив Сены и бредовой языковой политикой маратхи у меньшинств не было будущего. Это походило на положение чернокожих в Америке – превосходи ты белого человека хоть вдвое, получишь вполтину меньше. Как заставить Сохраба понять это? Как заставить его осознать, что он делает с собственным отцом, для которого главная цель в жизни – успешное будущее сына?» Сохраб лишил его этой цели, и это все равно, что лишить калеку костылей.

Теперь ром-пиво казался уже почти вкусным. Он допил все, что оставалось в стакане. Напряжение постепенно отступало. «Я вытолкнул его из-под колес девять лет назад, чтобы спасти ему жизнь, – размышлял Густада, – могу и снова вытолкнуть, из моего дома, из моей жизни. Чтобы научить уважению. Как же много он значит для меня... значил для меня... в тот день...»

В тот день с утра шел дождь. Нет, он шел весь день: дождь, пахнувший дизельными выхлопами. Направляясь на обед с десятилетним Сохрабом, он сел не на тот автобус. Густада отпросился у управляющего, мистера Мейдона, на полдня, чтобы отпраздновать первый день Сохраба в старшей школе Святого Ксаверия. Поступить в нее было нелегко. Девиз школы – *Duc In Altum*⁷⁴, и ему следовали с особой строгостью при отборе абитуриентов. Нужно было сдать труднейший вступительный экзамен, а потом пройти собеседование, Сохраб то и другое выдержал на отлично. В свои десять лет он уже бегло говорил по-английски. Не то что в три года, когда при поступлении в детский сад беседовавшая с ним директриса спросила: «Каким мылом ты пользуешься?» – и Сохраб ответил: «Мылом “мыло”», – на всякий случай используя еще и слово на гуджарати.

Густада хотел устроить ему настоящий праздник. В «Паризьене» подавали лучшее в городе рыбное карри с рисом. К каждому блюду полагались хрустящие *папад*⁷⁵, рыба всегда была свежим морским лещом, и официант, по выбору посетителя, клал ему на тарелку любую часть рыбьей тушки. Это обстоятельство было чрезвычайно важно, поскольку Сохраб обожал треугольный хвост морского леща.

Но каким-то образом – из-за дождя, толкучки и суеты – Густада неправильно прочел номер маршрута, и обнаружилось это, только когда автобус отъехал от остановки и оказался посреди транспортного потока. К ним по проходу, качаясь, уже приближался кондуктор с болтавшимся у него на плече кожаной сумкой для денег и рулоном билетов в металлическом ящичке.

Протянув ему мелочь, Густада сказал:

– Один полный, один детский до Чёрчгейт.

После обеда в «Паризьене» он собирался сделать Сохрабу сюрприз: повести его в «К. Расом и К^о» – угостить их знаменитым фисташковым мороженым, которое там подавали между двумя вафлями, до самого конца остававшимися хрустящими. Идея с мороженым принадлежала Дильнаваз. Оно было дорогим, Сохраб ел его только один раз в жизни, когда после церемонии в храме огня отмечали его *навджот*⁷⁶.

Кондуктор, проигнорировав протянутые деньги, равнодушно пробормотал: «В Чёрчгейт не идет», – и, глядя мимо Густада на дождь и пробку за окном, решительно щелкнул своим компостером – тик-тидик, тик-тидик, – что произвело угрожающее впечатление.

⁷⁴ «Отплыти на глубину» (лат.). Евангелие от Луки, 5:4. В эпизоде рассказано о том, как после целого дня бесплодной ловли Симон, по вере в слово Христа, которое, как он знает, имеет чудодейственную силу, исполняет волю Христа, отплывает на глубину, снова забрасывает сеть и получает в награду огромный улов.

⁷⁵ Папад – чипсы из гороховой муки.

⁷⁶ Навджот – ритуал посвящения в зороастрийскую религию, когда на ребенка надевают священную рубаху-судру и пояс веры кушти.

Дождь начался рано утром: мощные потоки воды низвергались с неба. Густаду вспомнилось, как, провожая их с Сохрабом в новую школу, Дильнаваз сказала: «Когда начинаешь что-то новое, дождь – на счастье». Сохраб тоже был доволен: это означало, что он сможет надеть свой новый плащ «Дакбэк» и резиновые сапоги, мальчик надеялся, что на пути им встретятся потоки, которые надо будет переходить вброд.

Перед уходом ему нарисовали на лбу красную *бинди*⁷⁷ и надели на шею гирлянду из роз и лилий. Дильнаваз приготовила *оверну*⁷⁸ и блюдо с рисом, на которое положила стружку кокосового ореха, листья бетеля, сухой финик, один орех арека и семь *рупий*⁷⁹ – на счастье. Потом вложила ему в рот кусочек сахара, обняла и прошептала на ухо благословение. В тот день ему желали примерно того же, чего желают в день рождения, с той разницей, что упор делался на школу и учебу.

Стоя в первом ряду толпы, ожидавшей автобус, Густада мечтал, чтобы дождь хоть ненадолго прекратился. Но тот оглушительно колотил по гофрированной металлической крыше автобусной остановки. Воздух был тяжелым и неприятным. Транспортный поток, словно впавшее в летаргический сон чудовище, разлегшееся на мокрой блестящей поверхности дороги, пульсировавшее и извергавшее миазмы, время от времени, лениво очнувшись, немного продвигался вперед. Резкий, зловонный дух бензиновых и дизельных выхлопов, казалось, растворялся в окружающей влаге, и та обволакивала все и вся.

– В Чёрчгейт не идет, – повторил кондуктор, продолжая рассеянно щелкать компостером – тик-тидик, тик-тидик, тик-тидик. Левой рукой он поигрывал монетами, заполнявшими его кожаную сумку: пропускал их между пальцами, как воду, набирал полную пригоршню, поднимал и денежным водопадом выпускал обратно в сумку, где они приземлялись с металлическим позвякиванием. Кожа на сумке в результате его постоянных ласковых поглаживаний отполировалась в этом месте, стала глянцево-шелковой, лоснящейся и, казалось, излучала тепло. Вот этот образ кондуктора Густада и видел перед собой отчетливее всего, когда лежал на мостовой под проливным дождем, прямо перед надвигающимся потоком машин, не в состоянии подняться. Что-то у него было сломано, тело уже пронизывали первые мощные вспышки боли.

Но перед тем был спор с непреклонным кондуктором.

– В Чёрчгейт не идет, – повторил он сердито – видимо, ливень и пробка на дороге всем испортили настроение. – Будете покупать билеты или как?

– Раз этот автобус не едет в Чёрчгейт, мы сходим.

– Тогда сходите. – Тик-тидик, тик-тидик, тик-тидик. – Или покупайте билет. Бесплатно ехать не положено.

– Дерните хотя бы веревку звонка водителю. – Фразы у Густада получались негодующе-рваными из-за того, что автобус дергался в плотном потоке.

– Веревку я дерну только перед следующей остановкой. А если вы остаетесь, то покупайте билет или... – Он указал пальцем на выход.

Густада посмотрел на веревку: что, если попытаться дернуть самому? Кондуктор, конечно, захочет его остановить, и в результате получится физическое столкновение. Он знал, что одолеет кондуктора в честной схватке, но делать это на глазах у Сохраба недопустимо. К тому же известны случаи, когда кондукторы, если видели, что уступают в драке, обрушивали на голову пассажира свои металлические билетные ящики. Густада еще раз попытался воззвать к здравому смыслу:

– Вы хотите, чтобы мы вышли посреди дороги и погибли под колесами, так, что ли?

---

⁷⁷ Бинди – точка, капля (*хинди*).

⁷⁸ Оверна – зороастрийский обряд по изгнанию злых духов/зла.

⁷⁹ На поднос кладут смесь риса, зерен граната, стружки кокосового ореха, изюма, миндаля и несколько рупий, чтобы осыпать ребенка по окончании наджвота в знак пожелания счастья и процветания.

– Никто не погибнет, – почти скорбно заверил кондуктор, – вы же видите, все стоит. Автобус застрял на средней полосе, машины вокруг него тоже не двигались.

– Пойдем, папа, – сказал Сохраб. Ему было неловко от перепалки между отцом и кондуктором. – Сейчас как раз можно выйти.

Остальные пассажиры, утомленные стоянием в пробке, с интересом наблюдали за пререканиями и были разочарованы, когда мужчина с сыном направились к выходу.

Автобус дернулся вперед как раз в тот момент, когда Сохраб спрыгнул с подножки, от рывка мальчик потерял равновесие, поскользнулся на предательски скользком от дождя асфальте и упал. Густада завопил:

– Стойте! – и в тот же миг очутился в дверях двигавшегося автобуса.

Доли секунды между тем, как он увидел падающего Сохраба, и собственным прыжком ему хватило, чтобы осознать: либо он приземляется на ноги – либо спасает сына. Он направил ступни на Сохраба и вытолкнул его из-под колес уже наезжавшего на него такси. Его левое бедро приняло на себя всю тяжесть падения. Он услышал омерзительный хруст и, перед тем как потерять сознание, ощутил в носу резкий запах дизельного выхлопа.

Таксист ударил по тормозам и остановился в дюйме от Густада. С тротуара к пострадавшему сбегались люди, собралась небольшая толпа.

– Положите его поудобней, – сказал кто-то.

– Ему нужна вода, у него обморок, – сказал кто-то другой.

Густада слышал голоса и чувствовал, как его оттаскивают с проезжей части, не давая подниматься.

Таксист попросил своих пассажиров выйти. Те было запротестовали, но, поняв, что он не требует оплатить то, что уже нащелкал счетчик, быстро ретировались.

Кто-то через дорогу позвал продавца воды тем специфическим кличем – смесью шипения, придыхания и шелеста, – который перекрывал обычный уличный гул: «*Хишш-ш-ш-ш! Панивалла!*⁸⁰» Продавец со своим бидоном и стаканами рысцой перебежал на другую сторону. Густаду протерли водой лоб, хотя лицо его и так было мокрым от дождя. Наверное, подумали, что вода, более холодная, чем дождь, может быстрее привести в чувство.

Густада открыл глаза. Стакан снова наполнили водой и поднесли к его губам, но он отказался пить. Продавец выплеснул воду на землю и сказал, обращаясь ко всем сразу:

– Два стакана – двадцать новых *пайс*⁸¹.

– Что? – возмутился таксист. – Совести у тебя нет! Неужели ты не видишь, что у человека серьезная травма, ему больно, он теряет сознание.

– Я человек бедный, – ответил продавец воды. – Мне детей кормить надо. – На одной стороне лица у него было большое фиолетовое родимое пятно, и голос звучал высоко, с раздражающим подвыванием.

В толпе мнения разделились. Кто-то говорил, что бессердечного негодяя надо прогнать пинком под зад, а кто-то видел резон в его словах. Полный решимости не дать лишиться себя единственного за этот дождливый день заработка, продавец заговорил снова:

– Этот человек попал в аварию. И что? Чтобы вылечиться, ему придется заплатить за «Скорую», потом врачу в больнице. Почему я должен быть единственным исключением? Чем я так согрешил, что не могу получить свои двадцать новых пайс?

– Правильно! Правильно! – поддержала его толпа. Большая часть собравшихся приняла сторону продавца. Тогда Сохраб отделил рупию от семи, полученных утром. Густада хотел ему сказать, чтобы он внимательно пересчитал сдачу, но не смог произнести ни слова. Продавец

---

⁸⁰ Панивалла – водонос, продавец воды (*хинди*).

⁸¹ В 1955 году правительство Индии приняло метрическую систему монет, и с 1957 по 1964 год пайса называлась «найма пайса», т. е. «новая пайса».

воды ушел со своими бидоном и стаканами, что-то бормоча себе под нос. При продолжавшемся дожде его высокий подвывающий голос перешел в тщетный призыв: «Ледяная вода, сладкая-сладкая вода!»

Всеобщее внимание вновь сосредоточилось на Густаде. Таксист предложил отвезти его в больницу, но Густад сумел прошептать: «Хоадад-билдинг», прежде чем снова чуть не потерял сознание. Он хорошо помнил, каким добрым человеком оказался таксист, который спокойно взял все в свои руки. Он подбодрил Сохраба, который был напуган и едва сдерживал слезы:

– Не волнуйся, мы быстро доедем, пробка не может длиться вечно, – сказал он ему, потом расспросил про школу, про занятия, поинтересовался, в каком он классе, и поддерживал этот спокойный разговор всю дорогу, пока они не добрались до Хоадад-билдинга.

Майор Билимория был дома. Услышав о несчастье, он немедленно явился к Ноблам и рассказал Дильнаваз о Мадхивалле-Костоправе.

– Отвезете его в обычную больницу вроде Парси-дженерал – и все, что вы там получите, это традиционное лечение. Точнее, традиционно плохое лечение – это уж как Густаду повезет. – Он хмыкнул.

Дильнаваз представила себе, сколько тяжелых травм повидал майор на своем веку, неудивительно, что он не слишком беспокоится.

Майор тем временем продолжал:

– В больницах обожают орудовать долотами, пилами, молотками и гвоздями. И выдавать вам после своего слесарничанья огромные жирные счета – как же, ведь их инструменты так дорого стоят! – Густад слышал его сквозь застилавшую сознание пелену боли и находил его ироническое описание весьма духоподъемным, потому что знал: теперь все будет в порядке, Джимми обо всем позаботится. – А с Мадхиваллой-Костоправом не понадобится никакой операции, никаких спиц, никаких шин – ничего. И даже счета не будет – достаточно любого пожертвования, какое вы сочтете посильным. Метод Костоправа удивителен, я – живой тому свидетель. Иногда, в особо трудных случаях, армейские хирурги обращались к нему за помощью. То, что он делал, было похоже на чудо.

Так и решили. На том же такси они подъехали к большому зданию, где в тот день принимал Мадхивалла-Костоправ. Таксист отказался от платы. «Не хочу наживаться на вашей боли», – сказал он.

Потом Джимми поднял Густада на руки, как ребенка, и внес внутрь. Джимми был одним из немногих, кто мог сравниться силой с Густадом, как они выяснили за долгие годы своих парных турниров по армрестлингу.

Он не отходил от Густада, пока Мадхивалла-Костоправ осматривал его, а позднее приволок два длинных тяжелых мешка с песком, которые Мадхивалла прописал Густаду, чтобы обездвижить ногу, пока не срастется перелом.

«Что бы я делал в тот день без Джимми?» – подумал Густад. Удивительно: он всегда появлялся сам, когда в нем случалась нужда. Можно назвать это совпадением или дружбой, но таков уж был Джимми.

III

Густада протер глаза и открыл их. Во рту пересохло. Он потянулся к стакану ром-пива, но вспомнил, что уже все выпил. Встав, он увеличил фитилек керосиновой лампы и понес ее к письменному столу. В тысячный раз сердце его наполнилось благодарностью к Джимми Билимории. Если бы Джимми не отвез его к Мадхивалле-Костоправу, он бы сегодня был конченным инвалидом. А вместо этого – вот он, без костылей и без палочки, и без жуткой подпрыгивающей и раскачивающейся походки Хромого Темула.

Он выдвинул более широкий из двух ящиков и пошарил в нем в поисках писчей бумаги. Сейчас он хромал чуть больше обычного. Хотя немало лет прошло со дня того несчастного случая, Густада так полностью и не признал, что его волшебное исцеление было столько же результатом лекарского искусства Мадхиваллы, сколько и силы его собственного духа, только все вместе позволило свести его хромоту до ничтожного минимума.

Найдя несмятый лист, он проверил шариковую ручку, почеркав ею по ладони: он не любил, когда в середине письма паста в ручке заканчивалась и текст менял цвет. Передумав, открыл дверцу письменного стола.

Изнутри снова повеяло знакомым запахом старых книжных переплетов. Он глубоко вдохнул его. Коробочка с перьями лежала сбоку, там, куда упала прежде. Он открыл ее и, испробовав несколько перьев о ноготь левого большого пальца, выбрал одно, вставил его в ручку и открыл баночку с чернилами «Кэмел» королевского синего цвета.

Ручка удобно легла в руку и ощущалась куда солиднее, чем пластмассовые шариковые ручки. Как же давно он не держал в руках перьевую ручку! Никто больше такими не пишет, даже в школах. Вот так же когда-то дети переходили с карандашей на чернила. В этом заключается одна из проклятых проблем современного образования. Во имя прогресса зачастую отбрасывают на первый взгляд несущественные вещи, не понимая элементарного: то, что они выкидывают в окно современности, является традицией. А если традиция утрачивается, утрачивается и уважение к тем, кто любил, почитал эту традицию и всегда ей следовал.

Было уже почти два часа ночи, но Густаду не хотелось спать. С грустью и любовью он вспоминал былые дни. Наконец, обмакнув перо в чернила, он поднес его к бумаге. Тень от руки, державшей ручку, падала на лист. Он сдвинул лампу влево, написал адрес и поставил дату. Пока он писал первые приветственные строки, дали электричество. Лампочка над столом вспыхнула. После нескольких часов темноты резкий электрический свет хлынул в комнату и затопил ее до самых дальних углов. Густада выключил его и продолжил писать при свете керосиновой лампы.

Глава пятая

I

Ко времени подачи воды Дильнаваз автоматически проснулась, и первой ее мыслью была мысль о Густаде и Сохрабе. Ужасные, ужасные вещи они наговорили друг другу. Измученная, она сонно поплелась в ванную. Вода, вода. Наполнить все емкости. Поскорей. Набрать воду в кухонный бак. Потом в большую бадью. И купить молоко...

Пока она ждала во дворе *бхайю*, мисс Кутпितья, выглянув из окна, кивком позвала ее подняться к ней.

– Пожалуйста, не обращайтесь внимания, – выпалила Дильнаваз, едва добравшись до ее лестничной площадки. – Он просто очень расстроился. – Ее всю ночь мучило то, что Густад, не сдержавшись, накричал на одинокую старую женщину.

– Я не потому вас позвала. Меня беспокоит ваш сын.

– Сохраб?

– Ваш старший, – подтвердила мисс Кутпитья. – Он очень напоминает мне Фарада. – Проблеск нежности на миг озарил ее лицо и тут же потух, как пламя свечи на ветру. Когда-то все помыслы и мечты мисс Кутпитьи принадлежали ее племяннику, Фараду. Давным-давно, в день, когда великая радость смешалась с глубокой печалью, жена ее брата умерла при родах Фарада. И в тот день мисс Кутпитья поклялась: никогда не выходить замуж, а посвятить всю свою жизнь брату-вдовцу и его ребенку. Так она стала матерью и наставницей, другом и рабыней и чем только еще не стала для маленького Фарада. Такой же преданностью платил ей ребенок, очень рано осознавший – хотя никогда и не пользовавшийся этим обстоятельством, – что в нем весь смысл ее жизни. То было золотое время для мисс Кутпитьи.

Когда Фараду было пятнадцать, они с отцом, как обычно, отправились отдохнуть на неделю в Кхандалу. На обратном пути в Гатах случилась авария. Водитель грузовика не справился с управлением и столкнулся сначала с автобусом, набитым туристами, а потом с машиной, в которой ехали Фарад с отцом. Все три машины сорвались с обрыва. Единственным выжившим оказался водитель грузовика. В тот роковой день тридцать пять лет назад мисс Кутпитья заперла на замок свои сердце, ум и память. С тех пор никто не допускался в ее квартиру дальше прихожей.

– Ваш Сохраб во всех отношениях напоминает мне моего Фарада, – повторила она. – Внешне, умом, походкой, манерой говорить. – Дильнаваз ничего не знала о Фараде. Все случилось задолго до того, как она вышла замуж и переехала в Хоадад-билдинг. Она выглядела озадаченной, и мисс Кутпитья продолжила: – Блестящий был мальчик. Он унаследовал бы юридическую практику своего отца, если бы остался жив. – Это все, что она сказала, ее горе больше не было бременем, нуждавшимся в излиянии. С годами, в изоляции, она обросла плотным стародевическим панцирем, и никто не мог сказать, зарубцевались ли или все еще кровоточат под этим панцирем раны, нанесенные ей жестокой судьбой.

– О, мне так жаль... – начала было Дильнаваз.

– Нет нужды, – прервала ее мисс Кутпитья. – Все слезы я давным-давно выплакала. Не осталось ни капли. – Она приложила пальцы к мешкам под глазами, оттянула кожу и сказала: – Видите? Совершенно сухие. – Дильнаваз сочувственно кивнула. – Но я позвала вас потому, что прошлой ночью все слышала. Вы знаете, почему Сохраб так ведет себя?

Проведя ночь в одиноких мучениях, Дильнаваз была благодарна ей за заботу.

– Мой мозг отказывается это понять. Во всем этом нет никакого смысла.

– Вы говорите, что он внезапно отказался учиться в ИТИ? – Дильнаваз кивнула, и мисс Кутпатья прищурилась. – А до этого хотел, никто его не принуждал?

– Никто. Я пытаюсь вспомнить, но думаю, что это была его собственная идея, еще когда он ходил в школу.

Глаза мисс Кутпатья превратились в узкие щелочки.

– В таком случае есть только одно объяснение. Кто-то накормил его чем-то нехорошим. Подмешал в еду или питье. Это определенно *jaadu-mantar*⁸² – заговоренный гриб.

Дильнаваз вежливо постаралась скрыть свой скептицизм, но подумала: как соблазнительно верить в магию, как быстро это все упрощает и объясняет.

Мисс Кутпатья посмотрела на нее мрачно.

– Вы знаете кого-нибудь, кому выгоден провал Сохраба? Может, кто-то хотел бы похитить его мозги для собственного сына?

– Мне никто не приходит в голову. – Дильнаваз невольно вздрогнула.

– Это могла быть даже какая-то зловредная смесь, на которую он наступил на улице. Для такого черного колдовства существует много способов. – Теперь ее глаза широко распахнулись и сверкнули предостерегающе. Какие большие! Как фрикадельки, подумала Дильнаваз. – Но не волнуйтесь, всегда найдется способ снять порчу. Можете начать с лайма. – Она объяснила процедуру и точно описала жесты, которые следует выполнить. – Делайте это несколько дней. До заката. Потом приходите ко мне снова. – И уже повернувшись, чтобы уйти к себе, добавила: – Кстати, теперь вы видите, как прав был хвост моей ящерицы?

– Что вы имеете в виду?

– Ваш ужин. Его испортила ссора. И электричество выключилось. То, что курицу зарезали прямо у вас в доме, – очень несчастливый знак. Проклятье предсмертного крика осталось под вашей крышей.

– Это была идея Густада, – сказала Дильнаваз.

Пока она возвращалась домой, в ее сонном мозгу все время маячила чудная параллель между курицей и мстительными, вызвавшими пневмонию рыбками и птицами Дариуша. Бедная мисс Кутпатья, подумала она, какая печальная судьба.

Торопясь снова лечь в постель, она не заметила писем на столе Густада.

---

⁸² Колдовство, чары (*хинди*).

II

Дильнаваз еще спала, когда Сохраб проснулся и нашел отцовские письменные принадлежности на столе, где тот оставил их после долгой ночи воспоминаний и размышлений. Поминки по канувшим в прошлое дням и умирающим надеждам закончились, лишь когда мутный свет занимавшегося утра добрался до Густада, отдававшего дань выпитому ром-пиву.

Разглядывая перьевую ручку, Сохраб удивился: почему отец продолжал пользоваться этим рудиментом? Он тоже долго не мог уснуть, страдая от обиды, от услышанных резких слов и душевного смятения – может, он сам во всем виноват? Ответ на этот вопрос был непрост, искать его следовало в огороде прошлого, где память вскапывала и заново засаживала деланки по собственному выбору. Зерно Сохрабовых тревог проросло давным-давно, задолго до вчерашнего вечера, еще тогда, когда его родители обнаружили, как легко их первенцу все дается: и дома, и в школе, и в работе, и в играх. Казалось, нет ничего, чего бы не сумел сделать Сохраб, причем сделать отлично. Шла ли речь об арифметике, уроках творчества, гуманитарных науках, он каждый год получал несколько премий в день вручения наград. Постоянно завоевывал он и призы за ораторское мастерство и участие в дебатах. С межшкольного соревнования театральных кружков спектакль, в котором он участвовал, увез главный трофей. На конкурсах изобретателей его экспонаты занимали первые места. И вскоре Густада и Дильнаваз уже не сомневались, что сын у них особенный.

Поэтому, естественно, когда Сохраб проявил интерес к авиамоделированию, Густада уверовал, что сын станет авиаинженером. Модели знаменитых зданий в миниатюре, выполненные Сохрабом, навели Густада на мысль, что сына ждет будущее блестящего архитектора. А возня со всякими механизмами вроде консервных ножей могла означать только одно: сын будет многообещающим изобретателем. Разумеется, судьба Сохраба могла оказаться намного плачевней, поскольку любовь и слепая вера родителей в сына были способны наделать куда больше бед.

Единственным провальным увлечением Сохраба в школе был его роман с насекомыми. В восьмом классе его наградили за общие достижения в учебе книгой под названием «Узнай больше об энтомологии». Он прочел ее, несколько дней над ней размышлял, а потом стал ловить бабочек и мотыльков самодельным сачком. Умерщвлял он их в консервной банке с ватыным тампоном, пропитанным бензином. Когда они переставали трепыхаться, открывал банку и осторожно расправлял крылышки. Обычно те были плотно сжаты вокруг ножек и хоботка, в положении, противоположном естественному, словно *in extrēmīs*⁸³ бабочка пыталась защититься от ядовитых паров, прикрыв голову. Наперекор *rigor mortis*⁸⁴ он симметрично распластывал четыре перепончатых крылышка бабочки на расправилке⁸⁵, тоже самодельной. Через несколько дней высушенная и легкая, как папиросная бумага, бабочка бывала готова к монтированию в коллекцию.

Все хвалили его красивую работу, восхищались чудесными расцветками и узорами крыльев, как будто он сам их нарисовал. Экспонаты были пришпилены булавками, проткнутыми через грудку, и аккуратно вставлены в энтомологическую коробку, которую он сам смастерил из фанеры с помощью инструментов прадеда. Последнее доставило Густаду особую радость; глядя, как Сохраб работает инструментами его деда, он не уставал повторять: наверное, любовь к плотничанью у нас в крови.

⁸³ В последний момент жизни, перед самой кончиной (лат.).

⁸⁴ Трупное окоченение (лат.).

⁸⁵ Расправилка – специальное приспособление для расправления крылатых насекомых с целью их последующего монтирования в энтомологические коллекции. Расправилка состоит из двух дощечек, между которыми расположен желобок шириной с брюшко насекомого.

А потом бабочки и мотыльки начали рассыпаться. Вскоре личинки уже ползали в коробке, и это было отвратительное зрелище. День за днем Сохраб мог, почти не двигаясь, сидеть и наблюдать за ними, как парализованный. Завершив свою работу, личинки исчезли так же неожиданно, как появились, и Сохраб забросил свой энтомологический ящик на темную полку возле общего туалета в *чауле*.

Однако этот провал не должен был опровергнуть слухи о гениальности Сохраба, поражение следовало превратить в победу. Густада был только рад взять вину на себя.

– Это была моя оплошность, – сказал он. – Вместо бензина нужно было использовать тетрахлорид углерода, а я не обеспечил Сохрабу тот сорбент, который ему требовался.

Сохраб больше не охотился за бабочками. Слава всемирно известного энтомолога была вычеркнута из Густадова списка карьер, которые он прочил сыну. После этого Сохраб сосредоточился исключительно на механике и изобретательстве. Он разобрал и собрал заново будильник, починил мясорубку Дильнаваз, привел в рабочее состояние диапроектор с увеличительным стеклом, найденный в письменном столе Густада, и показывал на стене в передней комнате кадры из комиксов, которые доставлялись с воскресной газетой: персонажи «Семейки Дэгвуда Бамстеда» или «Фантома» отражались в натуральную величину. Майор Билимория всегда присутствовал на показах и часто становился рядом с изображением, имитируя жесты Фантома: потрясал кулаком и произносил звуки вроде «тадах!», «бух!», «бах!». А после этого наступало время воскресного обеда с *дхансаком*.

Момент наивысшей гордости для Густада и Дильнаваз наступил, когда Сохраб, заставив Дариуша помогать ему, поставил спектакль по «Королю Лиру», собрав труппу из школьных друзей и друзей-соседей. Представление состоялось в дальнем конце двора, стулья публика приносила с собой. Сохраб, разумеется, играл короля Лира, был режиссером, продюсером, художником по костюмам и декоратором. Он же написал краткую версию пьесы, благоразумно решив, что даже аудитория, состоящая из любящих родителей, может впасть в коматозное состояние, если ей придется наслаждаться сверхлюбительским Шекспиром больше часа. Однако только когда Сохраб поступил в колледж, ему внезапно пришло в голову, что папа никогда не делал заявлений и не лелеял надежд, связанных с артистической карьерой для сына. Он никогда не слышал, чтобы отец говорил: мой сын будет художником, мой сын будет актером, мой сын будет поэтом. Нет, всегда только: мой сын будет врачом, мой сын будет инженером, мой сын будет ученым-испытателем.

Он вытер перо, закрутил крышку на бутылочке с чернилами и вспомнил, что однажды, когда век карандашей подходил к концу, отец показывал ему эту перьевую ручку. С веком чернил пришли планы на будущее. Мечта об ИТИ обрела форму, потом полностью захватила их воображение. И Индийский технологический институт превратился в Землю обетованную. Он стал их Эльдорадо и Шангри-Ла, их Атлантидой и Камелотом, их Шанду⁸⁶ и страной Оз. Это был храм Святого Грааля. И все будет дано, и все будет возможно, и все сбудется для того, кто совершит паломничество туда и вернется со священной чашей.

Тщетно было бы пытаться разделить нити энтузиазма, вплетенные в эту благородную ткань. Выяснить, кому изначально принадлежала идея и кого следует теперь винить, было так же трудно, как распознать, какая капля муссонного ливня первой коснулась земли.

На столе лежало два письма. Сохраб быстро пробежал глазами письмо майора и начал читать написанный изящным почерком отца ответ, когда Дильнаваз поднялась с постели во второй раз. Она чувствовала, что должна что-то сказать насчет прошлого вечера, но сын заговорил первым:

– Ты читала письмо от дяди майора?

– Какое письмо?

⁸⁶ Шанду – исторический город, в XIII веке летняя столица Хубилай-хана, императора-основателя империи Юань.

Он протянул ей листок.

– Наверное, какое-то старое, – сказала она. – Ты же знаешь, как папа любит все хранить.

– Нет, *это* пришло всего четыре недели назад. Посмотри на штампель.

Густад, с темными кругами вокруг глаз, проковылял мимо, направляясь в ванную. Она дождалась «контрольного сигнала» – металлического лязга затычки – и заметила:

– Он так поздно лег вчера. – Ее голос звучал чуть укоризненно.

Позднее, когда Густад пил чай, она сказала:

– Мы видели письмо.

– Я не понимаю, кто такие «вы». Для меня тут есть только один человек – ты.

Она пропустила его замечание мимо ушей.

– Ты начал прятать почту? Интересно, что еще ты скрываешь?

– Ничего! Просто хотел поразмыслить о письме Джимми без того, чтобы мне давали тысячу советов все гении этого дома. Вот и все.

– Тысячу советов? – Дильнаваз опешила. – Двадцать один год мы все обсуждали вместе. А теперь я стала помехой? Ведь Джимми даже не сообщил никаких подробностей. Откуда тебе знать, что ты поступаешь правильно?

Густад ответил, что подробности не имеют значения, помощь другу – дело принципа.

– Все это время я только и слышал: майор то, майор это. Я говорил: забудьте о нем, он исчез как вор. Так нет же. А теперь он просит помощи, я говорю да, но ты все равно недовольна.

– А вдруг это что-то опасное?

– Чушь. – Он указал на Сохраба. – Почему *этот* ухмыляется как осел?

– Папа, не распаляйся снова, – сказал Сохраб. – Я думаю, ты правильно решил, но...

– О! Он думает, что отец решил правильно! Ты ему сказала, что он мне больше не сын? – С подчеркнутым сарказмом Густад издевательски склонил голову. – Благодарю, благодарю вас, сэр! Благодарю за ваше одобрение. Ну, продолжай: что – но?

– Но я вспомнил, как дядя Джимми и твои друзья рассуждали о политике. Он, бывало, говорил: «Если хотите избавиться от этих проходимцев из Национального конгресса, есть только один выбор: коммунизм или военная диктатура. Забудьте о демократии на несколько лет, она – не для страны, умирающей с голоду...»

Он очень похоже имитировал четкий бас-баритон майора, и Дильнаваз улыбнулась. Густаду тоже понравилась его имитация, но он тщательно скрыл это. Сохраб продолжил:

– Представь себе: а если дядя Джимми планирует переворот, чтобы свергнуть наше коррумпированное правительство?

Держа блюдце с чаем в одной руке, Густад другой схватился за лоб.

– Опять этот идиотский разговор! Лучше представь себе что-нибудь полезное, представь себя в ИТИ! – Он помассировал лоб. – То, что Джимми, бывало, говорил, это всего лишь разговоры. Чего не скажешь, когда вокруг засуха, наводнение и нехватка всего?

– Знаю, знаю, я просто пошутил. Но как насчет наших руководителей, которые поступают противозаконно? Взять хотя бы лицензию на производство автомобилей, которую получил сын Индиры. Он говорит: мама, я хочу делать автомобили. И тут же получает лицензию. Не выпустив ни одного «Марути», он уже сделал себе на нем целое состояние и спрятал его на швейцарских банковских счетах.

Дильнаваз внимательно слушала рассказ Сохраба о том, как первый опытный образец автомобиля разбился во время испытаний, но тем не менее был одобрен к производству по приказу с самого верха. Она была сейчас самозванным рефери между отцом и сыном, и выражение ее лица отражало счет поединка.

– Приятно видеть, что твой сын читает газеты, – сказал Густад, допив чай из блюдца. – Он мог бы стать гением, но позволь мне кое-чему его научить. Что бы ты ни прочел в газете, сначала отдели половину – это соль и перец. От того, что осталось, отними десять процентов.

Это имбирь и чеснок. А иногда, в зависимости от способностей автора-журналиста, еще пять – это молотый чили. Тогда и только тогда получишь правду, без *масалы* и пропаганды.

Дильнаваз понравился его импровизированный урок. Счет на ее «табло» обновился. Густад откинулся назад и подвинул свою чашку к чайнику.

– Но я слышал это от живого свидетеля, – возразил Сохраб. – От одного из моих товарищей по колледжу. Его отец работает в испытательном центре.

– Товарищ по колледжу! Слушаешь идиотские разговоры и забиваешь себе голову всяким мусором. Скажи спасибо, что у нас демократия. Будь тут как в России, тебя с твоими товарищами уже упаковали бы и отправили в Сибирь. – Он потер лоб. – Когда он ведет такие речи, у меня мозг вскипает! Предупреждаю: если со мной случится удар, виноват будет твой сын.

Продолжая следить за их разговором, Дильнаваз все больше расстраивалась. То, что поначалу походило на острые дебаты (она почти радовалась, надеясь, что они приведут к улаживанию ситуации), вновь разгоралось во вчерашний костер. Она сделала знак Сохрабу ничего не отвечать.

– Говорю в последний раз: послушай меня, забудь про своих друзей, забудь про свой колледж с его бесполезным дипломом. Подумай о будущем. В наше время любой поденщик, любой клерк, работающий за две пайсы, имеет степень бакалавра искусств. – Он взял свой ответ майору Билимории и пошел к письменному столу за конвертом.

Дильнаваз кивком велела Сохрабу идти за ней. В кухне она выбрала из корзинки лайм и сказала сыну, чтобы он закрыл глаза.

– Зачем? – воспротивился тот. – Что ты собираешься делать с этим лаймом?

– Это не причинит тебе вреда, просто немного вправит мозги.

– Что за бред? Мозги у меня и так на месте.

Она шикнула на него и умоляюще попросила смирить свою гордыню и сделать это ради нее.

– Существует столько всего, чего наука не может объяснить. А этот лайм ничем тебе не навредит.

– Ну ладно! – Он нехотя закрыл глаза. – Сначала папа драматизирует, потом ты занимаешься колдовством. Вы меня с ума сведете.

– Не груби. И не надо громких слов. – Держа лайм в правой руке, она семь раз обвела им вокруг головы сына по часовой стрелке. – Теперь открой глаза и смотри на него внимательно. – Она опустила лайм вниз, к его ногам, и положила в пакет из коричневой бумаги. Потом, позже, она выбросит его в море. Этот последний шаг был, по словам мисс Кутпитья, решающим: ни в коем случае нельзя было выбрасывать лайм вместе с мусором.

Внезапно все, что сказала мисс Кутпитья, показалось ей исполненным глубокой мудрости.

III

После конфуза, случившегося во время званого ужина, Густада испытывал неловкость, встретившись с Диншавджи в понедельник, но Диншавджи сразу разрядил ситуацию.

– Не волнуйся на этот счет. Споры – это нормально, когда мальчик растет. Ты думаешь, я, прожив столько лет, ничего подобного не видел?

Во время перерыва Густада не пошел на лестничную площадку, куда *даббавала*⁸⁷ привозил судки с обедами, предоставив своему обеду вернуться домой нетронутым и без карандашной записки для Дильнаваз, записки, которая на протяжении двадцати одного года была для них нерушимым ритуалом: он всегда писал, а она всегда читала ее, как бы ни поссорились они накануне. Так было до сегодняшнего дня. В этих ежедневных записках не было ничего особенного. «Дорогая, сегодня трудный день, совещание у управляющего. Расскажу потом. Люблю, ХХХ». Или: «Дорогая, *дхандар-патио*⁸⁸ был вкуснейшим. От одного аромата у всех слюнки потекли. Люблю, ХХХ».

Диншавджи подошел к столу Густада с пакетом сэндвичей. В отличие от остальных он по утрам приносил обед с собой, в портфеле, обычно это были остатки вчерашнего ужина, заложенные между двумя ломтями хлеба, зачастую – такие «деликатесы», как цветная капуста, баклажаны, фасоль или тыква. Он с аппетитом съедал все это вместе с размокшим хлебом. Если его подкалывали насчет его эпикурейских радостей, он отвечал: «Что бы ни дал мне мой домашний стервятник, я съедаю беспрекословно. Иначе она меня самого слопаёт живьем».

Счастливыми днями для Диншавджи были такие, как сегодняшний, когда от вчерашнего ужина ничего не оставалось. В этих случаях Аламаи утром жарила острый омлет и клала его между двух кусков хлеба. Когда он разворачивал бумагу, запах лука, имбиря и чеснока вырывался наружу мощной струей.

– Давай, *яар*, – сказал он Густаду, – бери свой обед, и пошли в столовую. – Он не хотел опоздать к ежедневному аттракциону.

Каждый день в столовой во время обеда их постоянная компания собиралась, чтобы побалагурить. Они пересказывали неувыдаемо популярные анекдоты о сикхах («Что сказал бегун Сардарджи⁸⁹, финишировав первым на Азиатских играх, когда его спросили: “Ну как, теперь можно и расслабиться?” Он сказал: “Нет-нет, я же Арджун⁹⁰ Сингх”»); о мадрасцах, имитируя перекатывающиеся гласные южноиндийских языков⁹¹ («Как мадрасцы произносят “минимум”? Юм-и-йен-и-юм-и-юм»); о гуджаратцах, иронизируя над их искаженной английской фонетикой и трудностями с произношением гласных, особенно гласной «о» («Зачем гуджу ездил в Ватикан? Он хотел послушать популярную музыку⁹². Зачем гуджу укусил Иоанна Павла за большой палец ноги? Он хотел откусить его поупкорн»); о пуштунах, которые якобы имеют склонность к заднему проникновению («Пуштун приходит к врачу. “Доктор

---

⁸⁷ Даббавала – служащий системы доставки горячих обедов, действующей в индийских городах. Даббавалы забирают из домов или ресторанов готовые блюда, помещенные в металлические судки (даббы), и доставляют их клиентам в офисы или на предприятия, а затем развозят пустую тару обратно (*хинди*).

⁸⁸ Дхандар – персидский соус-суп из дала, патио – морепродукты в остром соусе, часто креветки.

⁸⁹ В Индии «сардар» – титул, распространенный среди сикхов, принадлежащих к касте джатов (этническая группа с древней культурной историей). Шутки Сардарджи, или шутки Сардара, – это шутки, основанные на стереотипных представлениях о сикхах, одно из которых состоит в том, что физическая подготовка для сикха якобы важнее, чем интеллект. В последние годы было несколько случаев, когда сикхи протестовали против шуток Сардарджи как задевающих чувства сикхской общины.

⁹⁰ Арджун – лиственное дерево, вырастающее до 20–27 метров и обладающее многочисленными целебными свойствами.

⁹¹ Так называемый язык мадрас башай, диалект тамильского, на котором говорят в Мадрасе (теперь Ченнаи), стал источником каламбуров и двусмысленностей в тамильских фильмах 1950-х годов.

⁹² Игра слов, основанная на английском названии сана папы римского (*pope* – «поуп»); если «о» произнести как «оу», вместо «поп-музыка» получается «папская музыка», а дальше вместо «попкорн» – «папская мозоль».

Сахаб⁹³, у меня сильно болит живот”. Врач ставит ему клизму. Пуштун уходит от врача в торговле и рассказывает друзьям: “*Аррэ*, современная медицина не только лечит, но и доставляет огромное удовольствие: боль – в животе, а лекарство приятно вводят через задницу”. На следующий день его друзья выстраиваются в очередь к доктору за клизмой»).

Себя компания, собиравшаяся в столовой, тоже не щадила, насмехаясь над общеизвестным фактом, что у всех парсов длинные носы («Что бывает, если *бавадж*⁹⁴ в состоянии эрекции войдет в стену? Он разобьет себе нос»). Ни одна этническая или языковая общность не бывала обойдена; когда доходило до анекдотов, в столовой воцарялось идеальное равенство.

Обеденный перерыв являл собой единственный приятный момент в унылом рабочем дне. Безусловно, Диншавджи был звездой этого представления, собравшиеся старались не пропустить ни одного его слова. Другие тоже вносили свою лепту, но с Диншавджи никто сравниться не мог. Он запоминал все, что когда-либо слышал, и спустя недели, а то и месяцы выдавал это, переиначив, усовершенствовав и сочинив на этой основе свою фирменную историю. Никто не возражал против небольшой доли плагиата.

Иногда вместо анекдотов они устраивали песенные посиделки. Если Диншавджи был звездой комического часа, то Густада блистал в пении. Особым успехом пользовалось его исполнение знаменитых песен Гарри Лаудера⁹⁵, таких как «Бродяга в сумерках» и «Я люблю девушку», которые Густада пел с великолепным шотландским акцентом. Хотя принято было петь хором, все замолкали, когда он выводил:

У лазурных берегов, изумрудных холмов,
Там, где солнце золотит Лох-Ломонд,
Там, куда мы с любимой не вернемся уж вновь,
У лазурных берегов Лох-Ломонд.

Но когда доходило до припева, они не могли сдержаться и присоединялись к Густаду хором, в котором тонул его баритон:

Земным будет путь твой,
Мне же выпал иной.
В Шотландии буду я первым,
Но с любимой моей мы не встретимся вновь
На волшебных берегах Лох-Ломонд.

Впрочем, анекдотами и пением время обеда не ограничивалось. Порой в этот час разгорались острые споры о делах, связанных с общиной, таких, например, как разногласия по поводу Башни Безмолвия. Когда банковские операционисты и кассиры обсуждали предложение реформаторов ввести кремацию, страсти накалялись, и случались яростные личные столкновения. Но Диншавджи удавалось разрядить напряжение, сказав что-нибудь вроде: «Лучше пусть меня растерзает мой домашний стервятник, чем хищники в перьях. В этом случае у меня, по крайней мере, будет гарантия: уж она-то не оставит от меня даже самых маленьких кусочков, которые могли бы разнести по всему Бомбею пернатые».

Откусывая от своего сэндвича с омлетом, он напомнил Густаду насчет обеда.

– Не жди меня, – ответил Густада. – Я сегодня не обедаю.

Как бы ни любил Диншавджи ходить в столовую, он решил остаться с другом.

---

⁹³ Сахаб – уважительное обращение к мужчине, занимающему какую-либо должность.

⁹⁴ Баваджи – уважительное название мужчины-парса в Индии.

⁹⁵ Гарри Лаудер (1870–1950) – знаменитый шотландский певец и комик.

– Хочешь бутерброд? Половинку. – Он протянул ему свой пакет.

Густада лишь молча отрицательно махнул рукой.

– Пойду пройдуся.

– Я с тобой. Есть могу и на ходу. Это даже полезно для пищеварения.

Направляясь к выходу, они проходили мимо новой машинистки Лори Кутино, изящно подносившей к губам ложку густо приправленного специями риса. Лори Кутино была человеком таким же безупречно аккуратным, как и ее рабочий стол, где каждый предмет лежал строго на своем месте. Она не любила столовую и на время обеденного перерыва просто бережно сдвигала в сторону свои канцелярские принадлежности, освобождая место для салфетки, на которую ставила контейнер с едой. Когда Диншавджи с Густадом проходили мимо, ее язык змейкой высунулся изо рта и подобрал случайно прилипшую к губе рисинку.

– Какая конфетка, – шепнул Диншавджи. Девушка сидела, положив ногу на ногу, и короткая юбка съехала вверх довольно высоко, но в рамках приличий. – О-о-о! – застонал Диншавджи. – Я этого не вынесу! Просто не вынесу! Я должен как можно скорее ей представиться. – Он сунул руку в карман и, сжав кулак, переместил его ближе к паху. Все это было частью роли, которую он обожал исполнять не столько всерьез, сколько для поддержания образа персонажа, коим, к его большому удовольствию, назначили его сослуживцы, – образа Казановы с фонтана «Флора».

Они вышли под палящее солнце и, пройдя несколько шагов, вынуждены были посторониться, чтобы пропустить припозднившегося *даббавалу* с клетью, набитой контейнерами для обедов, на голове, который трусцой маневрировал в толпе. Порыв ветра подхватил пот, струившийся по его лицу, и швырнул его в их направлении. Диншавджи инстинктивно заслонил руками свой пакет с бутербродами. Обменявшись полными отвращения взглядами, они вытерли со щек соленую мокрую пыль белыми носовыми платками.

– Это еще ничего, – сказал Диншавджи. – Вот однажды мне довелось садиться в поезд около одиннадцати часов дня! Тебе когда-нибудь приходилось?

– Ты же знаешь, я не езжу на поезде.

– Это самое время для *даббавал*. Им вообще-то положено пользоваться только багажными вагонами, но некоторые проникают в пассажирские. Народу – битком, а вонь стоит!.. *Toba? Toba!*⁹⁶ Вдруг я почувствовал, что у меня намочла рубашка, и догадался, что это было. *Даббавала*. Он нависал надо мной, держась за поручень. И у него капало из голой подмышки: кап-кап-кап – пот. Я миролюбиво сказал: «Пожалуйста, отодвиньтесь немного, у меня намочает рубашка, *meherbani*⁹⁷». *Kothaa*⁹⁸, как будто меня и нет. Тут уж я просто взбесился и заорал: «Эй! Вы человек или животное? Посмотрите, что вы делаете!» Я встал, чтобы показать ему мокрое пятно. И угадай, что он сделал. Ну, попробуй, угадай.

– Что?

– Он повернулся и юркнул на мое сиденье! Чтоб мне мало не показалось! Ну что делать с такими невежами? Никакого воспитания, никакого благоразумия – ничего. А знаешь, кто несет за это ответственность? Лидер ублюдочной Шив Сены, который обожает Гитлера и Муссолини. Он, с его бредовым лозунгом «Махараштра для маратхов». Они не остановятся, пока не установят свой Маратхский раджастан.

Пока Диншавджи произносил свою речь, они дошли до главного перекрестка дорог на площади перед фонтаном «Флора», где в плотный поток транспорта, двигавшегося по кругу, вливалось пять улиц, напоминавших гигантские щупальца. Машины внезапно выруливали со своей полосы и рискованно встраивались в другую. Красные двухэтажные автобусы с лого-

⁹⁶ Да никогда больше! (*хинди*)

⁹⁷ Сделай одолжение, пожалуйста (*хинди*).

⁹⁸ Здесь: никакой реакции (*хинди*).

типом «BEST», направлявшиеся в Колабу⁹⁹, опасно кренились, объезжая площадь по кругу. Бесстрашные ручные тележки, приводимые в движение энергией мускулов и костей, темпераментно конкурировали с ними – с лучшим, что можно было сделать из стали, бензина и вулканизированной резины. Почти парализованный поток кругового движения с каменным фонтаном в середине напоминал огромное замершее колесо, вокруг которого бурлила деловая жизнь, совершая свое гудящее, звенящее, сигналящее, жалующееся, визжащее, тархтящее, бухающее, пронзительно кричащее, пульсирующее, тяжело вздыхающее, брюзжащее, никогда не заканчивающееся перемещение по метрополии.

Диншавджи и Густада решили пойти по улице Вир Наримана¹⁰⁰. Уличный художник, скрестив ноги, сидел на углу перед нарисованными им мелом на асфальте изображениями богов и богинь. Время от времени он вставал, чтобы собрать мелочь, брошенную ему набожными прохожими. Густада указал на сухой фонтан.

– Можно по пальцам пересчитать, сколько раз за последние двадцать четыре года из фонтана била вода.

– Подожди, вот возьмут власть маратхи, тогда у нас будет настоящий Ганду Радж¹⁰¹, – сказал Диншавджи. – Они только и умеют, что драть глотки в парке Шиваджи¹⁰², выкрикивать лозунги, угрожать и переименовывать улицы. – Внезапно он ужасно распалился, чувствовалось, что на душе у него действительно накипело. – Зачем менять названия? Придурки, мать их! Хутатма Чоук!¹⁰³ – Новое название площади плевком вылетело у него изо рта. – Чем им не угодил фонтан «Флора»?

– Да какая тебе разница? Если маратхи от этого будут счастливы, пусть переименуют несколько улиц. Будет чем заняться. Разве название – это главное?

– Нет, Густада. – Диншавджи был совершенно серьезен. – Ошибаешься. Названия очень важны. Я вырос на Лэмингтон-роуд. Но она исчезла, на ее месте теперь Дадасахей Бхадхамкар Марг. Моя школа находилась на Карнак-роуд. Теперь она вдруг стала Локмания Тилак Марг. Я жил на Слейтер-роуд. Она тоже скоро исчезнет. Всю свою жизнь я ходил на работу на площадь фонтана «Флора». И вот в один прекрасный день это название меняется. Так что же случилось с моей жизнью? Я что, прожил какую-то неправильную жизнь, в которой все названия были неправильными? Разве у меня будет шанс прожить жизнь снова, с этими новыми названиями? Скажи мне, что случилось с моей жизнью? Ее вот так, запросто, стерли? Нет, ты скажи!

Густаду впервые пришлось в голову, что все эти годы он совершенно несправедливо считал друга просто балагуром. Конечно, другом, да, но в то же время клоуном и шутником.

– Не надо так расстраиваться, Диншу, – сказал он. Ему никогда не приходилось слышать от Диншавджи рассуждений на метафизические темы, и это уменьшительно-ласкательное обращение было лучшим, что он смог придумать, пока подыскивал еще какие-нибудь слова. Но в этот момент в мужчину на «Ламбретте», ехавшего по Вир Нариман-роуд, врезался автомобиль, следовавший в противоположном направлении, и тема переименований была забыта.

– О господи! – воскликнул Диншавджи, когда мужчина перелетел через руль своего мотоллера и приземлился рядом с тротуаром неподалеку от них. Струйка крови текла у него изо рта. Пешеходы и хозяева ближних магазинов бросились ему на помощь. Диншавджи тоже

⁹⁹ Колаба – колониальный район Бомбея, расположенный в его южной части, на правобережье мыса, вдающегося в Аравийское море.

¹⁰⁰ Хуршед Фрамджи Нариман (1883–1948), также известный как Вир Нариман, был одним из сторонников парсов в Индийском национальном конгрессе.

¹⁰¹ Ганду – тупица, придурок (*хинди*); радж – власть, так называли английское господство в Индии.

¹⁰² Парк в Бомбее, место политических и общественных митингов еще со времен борьбы за освобождение от британского владычества.

¹⁰³ Хутатма Чоук (площадь Мучеников) – площадь в Бомбее, названная в честь Движения Самьюкта Махараштра, которое с 1956 по 1960 год выступало за создание независимого махаратоязычного государства. Прежнее название – площадь фонтана «Флора».

хотел подбежать, но Густада не мог сдвинуться с места. Головокружение и тошнота нахлынули на него, и он ухватился за руку Диншавджи.

Тем временем машина скрылась из виду. Люди спрашивали друг у друга, не запомнил ли кто ее номера. От участка с круговым движением подошел полицейский, чтобы принять необходимые меры.

– Еще шесть дюймов, – сказал Диншавджи, – и у него череп расколется бы как кокосовый орех. Счастье, что он приземлился в сточном желобе. Что с тобой, Густада? Почему ты так побледнел?

Густада отпрянул и прикрыл рот ладонью – все внутренности у него словно подступили к горлу. Диншавджи быстро поставил диагноз:

– Так-так. Проблема в том, что ты ничего не ел, – пожурил он его. – Вид крови на пустой желудок – это плохо. Вот почему солдат перед боем всегда хорошо кормят. – Он решительно повел друга к ресторану на углу.

Внутри было прохладней. Они выбрали столик под вентилятором, Густада вытер холодную испарину со лба.

– Лучше? – спросил Диншавджи. Густада кивнул.

Столы были накрыты стеклом, под которым лежало меню, умещавшееся на одной странице. Стекло было мутным и покрытым пятнами, но увеличивало текст. Густада положил на стол обнаженные предплечья, наслаждаясь прохладой столешницы. Жужжание медленно вращавшегося под потолком вентилятора успокаивало. Сквознячок нес из кухни к выходу пикантные запахи. На стене за кассой висело написанное от руки объявление: «*Плевать и играть в сатту*¹⁰⁴ запрещено». Другой плакат гласил: «*Уповай на Бога – и тарелка риса тебе обеспечена*».

– Вот было бы забавно привести сюда, на второй этаж, Лори Кутино, – сказал Диншавджи, указывая на антресольный зал с отдельными кабинетами, где работал кондиционер. – Деньги были бы потрачены не зря. – Подошел официант с мокрой тряпкой в одной руке и двумя стаканами воды в другой. Он держал их за ободки так, что пальцы окунались в воду. Они убрали руки со стола, чтобы дать ему бегло протереть поверхность. Над столом поплыл неприятный запах чего-то кислого и затхлого. Диншавджи сделал заказ.

– Тарелку самосов с бараниной. Соус чатни. И два нескафе. – Он поднес к губам стакан, но отпечатки пальцев официанта на ободке напомнили ему о том, как стаканы были принесены, и он, не отпив ни глотка, поставил стакан обратно. – Мы столько лет знакомы, Густада, а я и не знал, что тебя мутит от вида крови.

– Не говори глупостей, кровь здесь ни при чем. – Что-то в его голосе заставило Диншавджи понять, что шутки сейчас неуместны. – Просто это был своего рода шок. Я знаю того человека на мотороллере. Он помог мне, когда я вывалился из автобуса. Помнишь тот несчастный случай, что со мной приключился?

– Разумеется. Но я думал, что это майор тебя...

– Да-да, но это было позже. А этот человек был таксистом, который позаботился о нас с Сохрабом, отвез нас домой. И даже денег не взял. – Он поднял голову и посмотрел на вентилятор. – Девять лет я ждал случая, чтобы поблагодарить его. И вот вижу, как он взлетает в воздух и разбивает себе голову. Совпадение? Или что? Сегодня была моя очередь помочь ему, а я сплеховал. Как будто Бог устроил мне испытание, и я его не выдержал.

– Аппэ, ерунда. Не твоя вина, что тебе стало худо. – Диншавджи добавил три ложки сахара в свой кофе и немного – на самосы. – Давай, ешь, тебе сразу полегчает. – Он придвинул к себе чашку Густады, положил в нее две ложки сахара, размешал и подвинул ему обратно. – Так что там насчет майора? Ты выяснил, куда он пропал? – Самосы были с поджаристой корочкой, он

---

¹⁰⁴ Сатту – азартная игра со ставками, появившаяся в Индии вскоре после обретения независимости.

жевал с хрустом. Кусочек румяной масляной корочки отвалился от верхушки пирожка и упал ему на блюдце.

– Нет.

– Может, он убежал, чтобы снова вступить в армию? – пошутил Диншавджи, заправляя в рот корочку теста. – Думаешь, будет война с Пакистаном?

Густада пожал плечами.

– Видел фотографии в газетах? Кровавые мясники, режут направо и налево. А что же окружающий мир? Он благостно расслаблен, ничего не предпринимает. И где теперь эта Америка, мать ее? Не говорит ни слова. А если Россия только заикнется, Америка тут же заявляет протест в ООН. Стоит Косыгину пукнуть, и Америка выдвигает свое предложение в Совете безопасности.

Густада вяло рассмеялся.

– Всем плевать, никому нет дела до бедных бенгальцев. А этот *чутья*¹⁰⁵ Никсон языком вылизывает себе путь в Пакистан через его задний проход.

– Это правда, – согласился Густада. – Пакистан очень важен для Америки из-за России.

– Как это?

Густада решил наглядно продемонстрировать ему геополитическую реальность.

– Смотри: это блюдо – Россия. А за ней – моя чашка, это Афганистан. Очень дружелюбный России, так? А теперь поставь свою чашку рядом, это Пакистан. Но что будет южнее Пакистана?

– Ничего, – ответил Диншавджи. – Тебе нужна еще одна чашка?

– Нет, ничего не надо, потому что к югу от Пакистана – только море. И вот именно этого Америка так боится. Если Пакистан когда-нибудь подружится с Россией, тогда для России дорога к Индийскому океану будет открыта.

– А! – воскликнул Диншавджи. – И тогда два маленьких американских *голос*¹⁰⁶ окажутся в руках у русских. – Ему понравилась такая наглядная тестикулярная метафора. – А чтобы защитить свои мягкие *голос*, они пальцем не пошевелият, даже если шесть миллионов бенгальцев будут убиты, – лишь бы Пакистан был доволен. – Официант положил счет на стол. – Я угощаю, я угощаю, – настаивал Диншавджи по дороге к кассе, держа маленький листок в вытянутой руке и не давая Густаду перехватить его.

Солнце снаружи палило нещадно, и друзья ускорили шаг. Когда они входили в здание банка, обеденный перерыв почти закончился. Лори Кутино готовилась снова приступить к работе.

– Нет, я этого не вынесу, *яар*, – шепнул Диншавджи. – Какое тело! Ах-ах-ах! Сливки с сахаром! Как было бы здорово пригласить ее на обед.

При упоминании о сладких сливках у Густада заурчало в животе – он вспомнил блюдце с такими сливками, которое ему давали в детстве каждое утро с хрустящей темной лепешкой. Мама снимала сливки с молока, после того как его кипятили и охлаждали.

А теперь молоко, которое привозит *бхайя*, такого плохого качества, что, сколько его ни кипятить и ни охлаждать, ничего даже отдаленно похожего на сливки не получишь.

---

¹⁰⁵ Чутья – негодяй, проныра (*хинди*).

¹⁰⁶ Голос – шары (*хинди*).

IV

Когда Густада возвращался с работы, вонь вдоль черной стены была невыносимой. Невоспитанные люди никогда не поймут, что эта стена – не общественный туалет, подумал он, вскидывая руки, чтобы отогнать мух и moskitov. А ведь сезон moskitov еще и не настал.

Открыв английский замок своим ключом и распахнув дверь, он столкнулся с суровым взглядом Дильнаваз.

– Твои сыновья один за другим создают проблемы, – сказала она.

– Что на сей раз?

– Приходил мистер Рабади. Жаловался, что Дариуш пристаёт к его дочери, в доме это производит дурное впечатление.

– Мой сын – к уродливой толстухе этого идиота? Чушь собачья.

Вражда между Густадом и мистером Рабади длилась уже не один год. Когда-то у мистера Рабади было неуклюжее, пускавшее слюни создание по кличке Тигр, которое он предпочитал считать брутальным псом – помесью восточноевропейской овчарки и лабрадора. Тигр был очень дружелюбным и вполне безобидным, но мистер Рабади всячески создавал вокруг него ауру опасного зверя. Он водил его в ошейнике с угрожающими шипами, на массивной цепи вместо обычного поводка и при этом всегда держал в руке крепкую палку – предположительно для того, чтобы усмирять дикое животное, если оно выйдет из повиновения. Пока хозяин шествовал, выставляя напоказ свой устрашающий атрибут, дородный Тигр безмятежно брел рядом, спокойный, в полной гармонии с окружающим миром.

Мистер Рабади имел обыкновение выгуливать Тигра во дворе рано утром и поздно вечером. Тигр скреб лапами и обнюхивал землю в поисках подходящего места и обычно выбирал Густадовы кусты, розовый и *сабджо*¹⁰⁷, от которых приходил в восторг. Поскольку был крупной собакой, он оставлял весьма внушительные и дурно пахнущие кучи, которые лежали в кустах до тех пор, пока на следующее утро не приходил *кучравалли*¹⁰⁸ и не подметал двор. Густада неоднократно просил мистера Рабади не подпускать собаку к кустам, но тот утверждал, будто невозможно удержать такого большого и сильного пса, как Тигр. В конце концов, спрашивал мистер Рабади, что бы почувствовал сам Густада, если бы кто-то оттаскивал его от туалета, когда ему туда нужно позарез?

Противостояние со вспыхивавшими время от времени ссорами продолжалось, и однажды вечером Густада, заметив пресловутую парочку у кустов, открыл окно и выплеснул на них ведро холодной воды, хозяин и собака промокли насквозь.

– Ах, простите, – невозмутимо сказал Густада, – я как раз поливал свои растения.

Судя по всему, Тигру купание понравилось, он дружелюбно залаял и завилял хвостом, а вот мистер Рабади оглашал вечернюю темноту угрозами до тех пор, пока сверху, из разных окон дома не начал раздаваться смех.

К семи годам Тигр стал малоподвижен и страдал ожирением. Даже короткая прогулка по двору изнуряла его, и стоило огромных усилий заставить его, задыхающегося и отдувающегося, подняться обратно по лестнице. Но однажды утром что-то стукнуло ему в голову, и он сорвался. Невзирая на свою комплекцию, он сделал семь бешеных кругов по двору – по одному за каждый год своей короткой жизни, – прежде чем мистеру Рабади удалось его остановить. Однако усилие оказалось, видимо, чрезмерным для непривычного сердца Тигра. Он отошел в тот же день на закате, и мистер Рабади быстро организовал встречу с *дустурджи* Барией, чтобы тот объяснил ему странную смерть его собаки.

---

¹⁰⁷ Сабджо – здесь: зеленый (*хинди*).

¹⁰⁸ Кучравалли – дворник (*хинди*).

Дустурджи Бария молился в храме огня весь день, за исключением двух часов, в течение которых он каждое утро раздавал советы таким людям, как мистер Рабади. Освободившись от своих обычных обязанностей священнослужителя, поскольку годы давали о себе знать, он, бывало, проводил время, укрепляя связь со своим контрагентом там, наверху, который, по его словам, являлся источником его озарений.

Дустурджи Бария раздавал советы бесплатно и неограниченно; не существовало ситуаций, в которых он не мог бы разобраться. В считанные минуты он объяснил, почему смерть Тигра оказалась именно такой, какой оказалась. Но что было еще важнее, он дал мистеру Рабади точные указания относительно его следующей собаки: она должна была быть белой, сказал он, женского пола, весить не более тридцати фунтов и иметь в холке не больше двух футов; мистер Рабади может дать ей любое имя, только начинаться оно должно непременно на букву К. Он также предписал ему по определенным дням месяца читать молитву *тандарости*¹⁰⁹ за здоровье собаки.

Вооруженный наставлениями *дустурджи* Барии, мистер Рабади отправился покупать собаку. Для всех жителей Хоадад-билдинга было огромным облегчением, когда преемницей Тигра оказалась маленькая белая девочка – померанский шпиц, которую называли Капелькой. Густадовы кусты никакого интереса для нее не представляли, поскольку к тому времени все рыбки и птицы Дариуша полностью разложились. Однако неприязнь между мужчинами не только не исчезла, но и не уменьшилась.

– Этот идиот-собачник может болтать все что угодно, – сказал Густад. – А где сейчас Дариуш?

– Думаю, еще играет во дворе. – Дильнаваз обмахивалась газетой. – Вот наказание – столько мух!

– А все из-за этой мерзкой стены, – откликнулся Густад. – Вот стемнеет, еще и москиты налетят. Я сегодня видел их целые тучи.

Когда к обеду вернулся Дариуш, Густад потребовал рассказать в точности, что произошло.

– Ничего, – возмущенно ответил мальчик. – Иногда я разговариваю с Жасмин, если она бывает во дворе вместе с моими друзьями. Я со всеми разговариваю.

– Послушай. Ее отец чокнутый. Так что держись от нее подальше. Если она в компании твоих друзей, не подходи к ним.

– Это нечестно, – запротестовал Дариуш. Однако правда состояла в том, что Жасмин была единственной причиной, по которой он в последнее время так часто встречался с друзьями. Он таял от взгляда ее бархатистых карих глаз, никогда прежде ему не доводилось испытывать такого приятного чувства.

– Честно или нечестно, мне все равно. Я не хочу, чтобы собачник снова пожаловался. Дискуссия окончена. Давайте обедать.

Но обед стал настоящим испытанием: мухи жужжали и роились над едой, москиты пикировали на стол со всех сторон. Рошан вздрагивала каждый раз, когда насекомое садилось в ее тарелку, между тем как Дариуш тренировал сноровку, пытаясь ловить их на лету.

– Надо плотно закрыть все окна, – сказал Густад, – и мы перебьем всех, которые останутся внутри.

Однако очень скоро все вспотели в духоте закрытого помещения, и окна пришлось снова открыть.

Кое-как они все же покончили с обедом.

– Люди мочатся на стену, как будто это уборная в их собственном доме, – сказал Густад, хлопнув себя по шее и отбросив убитого москита. В аптечном отделении буфета он нашел

---

¹⁰⁹ Тандарости – молитва о здоровье в зороастризме.

маленький, наполовину использованный тюбик «Одомоса». – Надо завтра купить новый. Производители «Одомоса» только жиреют на этих москитах, вот и все.

Они поровну разделили оставшуюся в тюбике мазь, чтобы как-то пережить вечер.

Глава шестая

I

Каждый день, возвращаясь с работы домой, Густад с надеждой спрашивал, нет ли письма от Джимми. Но прошло уже две недели, а от майора не было ни слова насчет той помощи, о которой он просил. Однажды вечером Рошан, услышав, что его ключ поворачивается в замке, бросилась к двери.

– Папа, ты можешь мне дать рупию? Это для школы. Мать Клодиана на собрании сказала, что завтра – последний день, когда можно поучаствовать в лотерее, а там приз – красивая импортная кукла, из Италии, ростом с меня, в длинном свадебном платье и с голубыми глазами. – Она замолчала, только чтобы перевести дух.

Густад притянул дочку к себе и обнял.

– Мой сладкий маленький *bakulyoo*!¹¹⁰ Что ж ты так разволновалась? Этак ты скоро станешь разговаривать как Хромой Темул – быстробыстробыстро.

– Так ты дашь мне рупию?

– Вечная проблема с этими монастырскими школами. Деньги, все время деньги, деньги для матери-настоятельницы с ее широким задом.

– Ш-ш-ш-ш, – шикнула на него Дильнаваз, – не при ней!

Рошан захихикала.

– А мать Клодиана объяснила, что она собирается делать с лотерейными деньгами?

– Да, – ответила Рошан. – Она сказала, что половина пойдет на новое школьное здание, а половина – на помощь беженцам.

– А ты знаешь, кто такие «беженцы»?

– Мать Клодиана нам объяснила. Это люди, которые убежали из Восточного Пакистана и прибежали в Индию, потому что люди из Западного Пакистана убивают их и сжигают их дома.

– Ладно. Получишь ты свою рупию. – Он открыл бумажник. – Но помни: это не значит, что кукла достанется тебе. Это же лотерея.

– Да, да, папа, мать Клодиана нам и это объяснила. У каждой из нас будет номер, и та девочка, чей номер вытаскают, получит куклу. – Она сложила рупию, достала из школьного рюкзака пенал и засунула ее под линейку. – Папа, а почему Западный Пакистан убивает людей из Восточного Пакистана?

Густад развязал галстук и разгладил его в том месте, где был узел.

– Потому что он злой и эгоистичный. Восточный Пакистан беден, и он сказал Западному: мы голодаем, пожалуйста, дай нам нашу справедливую долю. Но Западный ответил – нет! Тогда Восточный сказал: в таком случае мы не хотим больше работать с тобой. И в наказание за это Западный Пакистан начал убивать и сжигать Восточный Пакистан.

– Как это подло, – сказала Рошан. – И как жалко Восточный Пакистан.

– В мире много подлого и печального. – Он повесил галстук, расстегнул манжеты на рукавах рубашки, после чего спросил Дильнаваз насчет почты. От Джимми – ничего, но есть письмо из Целевого фонда образования. Он присовокупил очередной бланк для заявки к тем, которые уже собрались у него за последние несколько недель.

– Ты только посмотри, – с горечью сказал он, припечатав стопку тыльной стороной ладони. – Во сколько мест я обращался ради этого неблагоприятного мальчишки! – Он стал

---

¹¹⁰ Здесь: цветочек / маленькая овечка (дословно с хинди – цветок растения испанская вишня/бакул/индийская мушмула).

поочередно перебирать бланки. – В Фонд образования Парсийского *панчаята*¹¹¹, в Научно-исследовательский фонд Сетны¹¹², в Фонд образования и развития Таты¹¹³, в Благотворительный фонд высшего образования Вадиа-груп¹¹⁴. Я все эти организации обошел, прикладывал ладонь ко лбу, молитвенно складывал руки и говорил: «сэр», «мадам», «пожалуйста» и сто раз благодарил, чтобы они пообещали выделить стипендию. А теперь твой фон-барон заявляет, что ИТИ его, видите ли, не интересует.

Дильнаваз аккуратно собрала бланки.

– Не расстраивайся, все уладится. Бог милостив.

Каждый день на закате она семь раз обводила голову Сохраба лаймом по часовой стрелке. Но пока – ничего. «Должно быть, я с ума сошла, если надеюсь, что есть хоть один шанс, думала она. С другой стороны, Сохраб и Густада больше не кричат и не ссорятся друг с другом, как раньше, стучу по дереву, чтоб не сглазить. Может быть, это потому, что...»

– Что он будет делать, если не поедет в ИТИ, одному богу известно.

Она перелистала бланки.

– Он же сказал тебе, что хочет продолжать учиться в своем колледже.

– И это называется что-то делать? Кому нужен диплом бакалавра искусств?

Так и тянулись дни: Густада был расстроен и зол из-за предательства сына, с нетерпением ждал письма от Джимми Билимории, которое все не приходило, и зверел от нашествия москитов, которое неизменно случалось после заката.

– Невежественных свиней, которые мочатся на улице, следовало бы расстреливать на месте! – восклицал он, бывало. Или: – Надо взорвать эту чертову стену динамитом – где они тогда будут гадить? – Это последнее замечание свидетельствовало о крайней степени его отчаяния, потому что стена была ему дорога.

Давно, когда майор Билимория еще только поселился в Хоадада-билдинге, когда подача воды была неограниченной, а молоко с парсийской молочной фермы – жирным и доступным для всех, в городе начался строительный бум. Не обошел он стороной и окрестности Хоадада-билдинга, вокруг него стали расти высокие здания. Первым, чего лишились жители дома, был солнечный заход: на западной стороне возвели офисное здание. Хотя в нем было всего шесть этажей, этого оказалось достаточно, потому что в Хоадада-билдинге было только три, и дом был приземистым и длинным: по десять квартир в ряд, нагроможденных друг на друга на трех уровнях, с пятью подъездами и лестничными проемами – по одному на каждый прилегающий блок квартир.

Вскоре после этого строительство началось и с восточной стороны. Для всех тридцати семей квартиросъемщиков стало ясно, что это конец эпохи. На их счастье, строительство растянулось более чем на десять лет: то не хватало цемента, то возникали проблемы с рабочей силой и оборудованием, а однажды обрушение целого крыла из-за использования некачественного «левого» цемента привело к гибели семи рабочих. Детвора из Хоадада-билдинга, которая ринулась на строительную площадку поглазеть на образовавшееся на земле темное пятно, в ужасе решила, что это то самое место, где погибли семь человек, и что пятно – это их кровь, просочившаяся на поверхность. Отсрочка строительства дала жителям Хоадада-билдинга передышку, и мало-помалу они смирились с изменившимся ландшафтом.

¹¹¹ Панчаят – орган местного самоуправления.

¹¹² Хоми Нуссерванджи Сетна (1923–2010) – индийский ученый-ядерщик и инженер-химик, получивший международную известность в качестве председателя Государственной комиссии Индии по атомной энергии.

¹¹³ Ратан Навал Тата (род. 1937) – индийский предприниматель, инвестор, известнейший филантроп, сын парсского бизнесмена Навала Таты, многолетний председатель совета директоров конгломерата Tata Group.

¹¹⁴ Wadia Group – индийский многонациональный торгово-промышленный конгломерат со штаб-квартирой в Бомбее/Мумбаи.

С увеличением интенсивности движения и плотности населения черная каменная стена приобрела еще более важное значение. Она осталась единственным гарантом приватности, особенно для Джимми и Густада, которые на рассвете совершали свой молитвенный обряд с повязыванием пояса веры *кушти*. Стена высотой в шесть футов тянулась вдоль всего двора, укрывая их от глаз инаковерцев, пока они молились, обратившись лицом к занимающемуся на востоке свету.

Но черт с ней, с приватностью, черт бы побрал эту стену, черт бы побрал эту вонь, думал теперь Густада. Они покупали «Одомос» тюбик за тюбиком, втирали его во все открытые части тела, но проклятые москиты продолжали жужжать, кусать и сводить с ума. По загадочной причине мазь наименее эффективно действовала на Густада. Полночи он чесался, прихлопывал москитов и ругался.

Да еще Дильнаваз, видно, чтобы окончательно лишить его рассудка, рассказала ему о том, что в детстве у нее был сосед, обладавший иммунитетом от москитов.

– Это чистая правда, – говорила она. – Когда был маленьким мальчиком, он как-то съел огромное количество москитов. То ли нарочно, то ли по ошибке, неизвестно. Ну, ты знаешь, как дети все тащат в рот.

Но с тех пор москиты прекратили кусать этого мальчика. И, став взрослым, он превратился в москитостойкого мужчину. Насекомые садились на его кожу, забирались ему в волосы, заползали под одежду, но никогда не кусали. Вероятно, те, которых он съел, изменили состав его крови и запах тела, сделав его как бы одним из них. И его их жужжание и кружение не раздражало, он говорил, что для его ушей это было все равно что любовная серенада.

– Ну и что ты предлагаешь? – огрызнулся Густада, шлепая себя по лицу, плечам и груди. – Перестать пользоваться «Одомосом» и начать жевать москитов?

А потом цена на «Одомос» подскочила вместе с ценами не только на предметы роскоши, но и на все необходимое, начиная со спичек и заканчивая гигиеническими прокладками.

– Этот налог на помощь беженцам, – высказался Густада, – всех нас превратит в беженцев.

И словно всех этих проблем было мало, Рошан и Дариуш стали требовать старые газеты. Им это нужно было для школы – тоже сбор в пользу беженцев. Учителя организовывали соревнования, принесенная учениками макулатура взвешивалась каждое утро, результаты оглашались на общем собрании. Англоязычные газеты складывались отдельно, потому что качество их печати было выше, чем у местных, и их на килограмм требовалось больше.

Дильнаваз пыталась объяснить Рошан и Дариушу источники их семейного бюджета: единственная для них возможность каждый месяц оплачивать счет за подписку – это продавать старые газеты *джарипуранавалле*¹¹⁵. Но дети умоляли, говорили, что учителя будут сердиться, если они придут с пустыми руками, и Густада разрешил им взять по пять экземпляров «Джем-И-Джамшед»¹¹⁶.

Дариуш заявил, что предпочитает пять штук «Таймс оф Индия», потому что друзья будут смеяться над газетами парсийских *баваджи*. Густада и слышать ничего подобного не желал.

– Ты должен гордиться своим наследием. Бери «Джем-И-Джамшед» или не получишь ничего.

Тогда Дариуш решил пройтись по соседям, спросить, нет ли у них ненужных газет. Отец только посмеялся над ним:

¹¹⁵ Джарипуранавалла – старьевщик, сборщик макулатуры (*хинди*).

¹¹⁶ «Джем-И-Джамшед» – еженедельная газета, выходящая в Бомбее/Мумбаи частично на гуджарати и в основном на английском языке и представляющая интерес для зороастрийской общины в Индии. Одна из старейших газет в Азии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.